

Вера Иванова
Ирина Молчанова
Ирина Щеглова

Игорь
Петя

ЛЮБОВЬ
КАК В СКАЗКЕ
РОМАНЫ О ЛЮБВИ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Большая книга романов о любви для девочек

Ирина Щеглова

Любовь как в сказке (сборник)

«ЭКСМО»

2012

Щеглова И. В.

Любовь как в сказке (сборник) / И. В. Щеглова — «Эксмо»,
2012 — (Большая книга романов о любви для девочек)

Вера Иванова «Спор на десять поцелуев» Петя Зуев – лучший парень на свете. Красавец, спортсмен, он нравится всем девочкам без исключения и уже устал от своей бешеной популярности... Как же покорить его сердце? Марина решила воспользоваться «запрещенным приемом» – и обратилась за помощью к Паше Хорошу, близкому Петину другу. Вдвоем они составили настоящий заговор, и теперь Петя просто обязан обратить на Марину внимание. Их план был обречен на успех, но вдруг... в игру вмешалась другая девочка!

Ирина Молчанова «Дневник юной леди» Больше всего на свете Таня любит шоколадные кексы, читать романы и... мечтать о парне, предназначенном ей самой судьбой. Он должен быть сероглазым блондином с пушистыми ресницами и ямочкой на подбородке. И никак иначе! Татьяна продумала все, вплоть до того, какого цвета должны быть у него шнурки на кроссовках... Однажды случилось чудо: она на самом деле встретила парня своей мечты! Ее принц был потрясающе красив! А еще он почему-то встречался с другой...

Ирина Щеглова «Лестница поцелуев» Слова Игоря стали для Нины полной неожиданностью. Неужели она действительно нравится этому серьезному и красивому молодому человеку? Как же так! Ведь встречаться с ним начала Вика, ее лучшая подруга. Виктория устроила кастинг на роль своего парня, из всех претендентов выбрала Игоря, а он... взял и признался в любви другой девочке. Тихой и романтичной Нине, словно сошедшей со страниц сказки о Спящей красавице. Но ей совсем не нужен такой поклонник! Она не хочет предавать дружбу и не испытывает к Игорю никаких чувств! Только... почему-то продолжает отвечать на все его письма...

© Щеглова И. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Вера Иванова	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	46
Глава 13	52
Глава 14	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вера Иванова, Ирина Молчанова, Ирина Щеглова Любовь как в сказке. Романы о любви для девочек

Вера Иванова Спор на десять поцелуев

Глава 1 1 августа. Первое знакомство

Большой зал ожидания, где собирались отъезжающие в лагерь, был похож на улей или муравейник. Ребята и девочки самых разных возрастов сидели кто на кожаных банкетках, кто на сумках, а кто и прямо на полу, подстелив газетку. Некоторые уже познакомились и тусовались парочками или небольшими группками, мелкие гонялись друг за другом, перепрыгивая через валяющийся на полу багаж и цепляясь за стоящих поодиночке. Девчонок было приблизительно столько же, сколько ребят, но они вели себя не тише, наоборот, самые громкие взрывы смеха неслись как раз оттуда, где кучковались представительницы слабого пола.

Петя быстро огляделся, прикидывая, куда бы приткнуться.

– Эй, кудрявый! – окликнули его из ближайшей девчачьей группки. – Да-да, ты, с мячом! С кем это ты уже целовался? Вали к нам!

Петя почувствовал, как лицо заливают краска. Он принялся изо всех сил тереть место мамино поцелуя, досадуя на ту первую из женщин, которой взбрело в голову мазать рот липкой яркой дрянью под названием «помада». Злой сам на себя за эту идиотскую манеру краснеть по любому поводу и еще больше злой на девчонок за их наблюдательность и бесцеремонность, он надвинул кепку глубже на глаза и повернулся к хохотуньям спиной.

Его внимание привлек невзрачный парнишка, который сидел на большой спортивной сумке и читал первые страницы толстой книги под названием «Руководство для системного администратора». Для первого знакомства этого было вполне достаточно. Петя и сам был повернут на компьютерах, поэтому он подошел к парнишке, помолчал, а потом произнес:

– Клевая книга.

– Ага! – откликнулся парнишка. Не отрываясь от чтения, он протянул Пете руку и представился:

– Павел! Своим можно Паша. Гуру, – добавил он после рукопожатия.

– Это что – фамилия такая? – осторожно уточнил Петя. – Или кликуха?

– Нет, профессия, – хмыкнул Паша, переворачивая страницу. – А ты, как видно, спортсмен, – сказал он, хотя разглядеть собеседника мог разве что сквозь страницы, по которым все еще бегали его глаза.

– Ну да, – буркнул Петя, удивляясь, почему вывод нового приятеля показался ему несколько обидным.

– Это хорошо, – кивнул Паша. – В футбол играешь?

– В том числе. – Разговор коснулся знакомой материи, и Петя почувствовал себя немного свободнее. – А еще в волейбол, теннис, настольный и большой, и немного в гандбол. Но с этим у меня похуже.

– Отлично! – Паша наконец оторвался от чтения и поднял глаза. – Годишься.

– Куда? – оторопел Петя.

– В капитаны сборной отряда по футболу. Волейбол, теннис и гандбол, так и быть, оставим другим.

– Ты что, издеваешься? – Петя нахмурился.

– Не обижайся. Обида – неконструктивное чувство, как и любая вялая неэкстремальная эмоция. Она истощит твои запасы гормонов стресса и не позволит среагировать адекватно ситуации, – быстро выговорив все это, Паша снова углубился в чтение.

На этот раз Петя решил промолчать, однако почувствовал уважение к умнику, свободно изъясняющемуся такими словами.

– Вот что, командир! – снова услышал он голос Паши. – Посмотри-ка сейчас на северо-северо-запад и найди парня в синей футболке с пинг-понговой ракеткой в руке. Нашел?

– А... северо-северо-запад – это где? – стыдясь своей тупости, переспросил Петя.

– А солнце тебе на что? – усмехнулся Паша. – Лучи, тени... Вон из окошка сколько света падает. Неужели ты не можешь рассчитать стороны света? Как же ты собираешься ориентироваться в пространстве, когда совершишь побег из лагеря?

На этот раз Петя был уязвлен в самое сердце – и из-за собственной неспособности ориентироваться по солнцу, и из-за угаданного странным парнем тайного и страстного желания как можно скорее сбежать из уже заранее ненавистного ему места с глупым названием «Колокольчик».

– Туда, туда смотри. – Паша махнул рукой в нужную сторону.

И действительно, оглянувшись, Петя увидел крепкого темноволосого парня в синей футболке с рюкзаком за плечами. Тот держал черную ракетку для пинг-понга и о чем-то весело болтал с какой-то девчонкой.

– А теперь, если тебе не трудно, подойди к нему и узнай, из какого он отряда, – попросил Паша.

– А ты сам из какого?

– Из пятого, – последовал ответ.

Петя удивленно уставился на человека, обладающего ценной и ему самому пока не известной информацией.

– А откуда ты узнал? – не мог не поинтересоваться он.

На этот раз ответу предшествовал острый взгляд поверх страниц.

– Ясновидящий, – невозмутимо произнес Паша, снова опуская глаза.

– Разыгрываешь! – Петя обиженно скривился. Не думает же этот умник поймать его на такую дешевую шутку!

Но тот выглядел совершенно серьезным.

«А может, и вправду не врет? – засомневался Петя. – Бывают же у людей разные необычные способности!»

– Ну хорошо, допустим, – осторожно начал он. – А можешь ты в таком случае угадать, в каком отряде буду я?

– Тоже в пятом, – тут же услышал он.

Петя на мгновение открыл рот и тут же снова его захлопнул.

– А тот парень? – кивнул он на темноволосого.

– И тот парень тоже будет в пятом, – донеслось из-за книги, – когда ты прекратишь задавать идиотские вопросы, то пойдешь узнаешь, как его зовут, и вернешься ко мне.

– А если не пойду? – Петя воинственно поднял плечи. Что он, в конце концов, шестерка, что ли?

– Да ради бога. – Паша равнодушно пожал плечами, переворачивая страницу. – Не пой-
дешь – не будешь капитаном футбольной сборной, а значит, не сможешь продемонстрировать
народу все свои умопомрачительные спортивные способности. То есть не получишь энергии
внимания, не самоутвердишься в коллективе, потеряешь самоуважение, почувствуешь неуве-
ренность в себе, озлобишься на весь свет, и от тебя отвернутся даже самые преданные друзья.
Ты окажешься в изоляции, впадешь в депрессию, сбежишь из лагеря, заблудишься в густых
лесах и, учитывая твое сомнительное умение ориентироваться в пространстве, умрешь от
голода либо будешь разорван дикими зверями.

Вот уж тут Петин рот так и остался открытым. Воцарилось молчание, во время которого
Петя чувствовал себя круглым дураком, а Паша как ни в чем не бывало продолжал читать.

– Так ты идешь? – спросил он наконец. – Давай соображай побыстрее, а то нам скоро
отчаливать – через пять минут подадут поезд.

Петя тяжело вздохнул, но тем не менее подчинился, признавая правоту загадочного
нового знакомого. К тому же ему и самому захотелось познакомиться с парнем с ракеткой –
тот, как и Петя, явно был спортсменом.

Глава 2

Угаданное желание

Отправив Петю, Паша захлопнул книгу, засунул ее под мышку и подошел к ближайшей компании девочек. Щебечущие подружки не обратили на него никакого внимания, но Пашу это ни капли не смутило.

– Вы из пятого? – вклинился он в первую же образовавшуюся в разговоре паузу. – Да? Тогда вам надо подойти к вожатой – вон той тетке с плакатом.

Девчонки обернулись и посмотрели в указанном направлении. У стенда с информационными листовками стояла группа взрослых. У каждого был плакат с нарисованными на них большими цифрами – номерами отрядов. Женщины держали плакаты с красными цифрами, мужчины – с синими.

– Идите, идите, за вещами я посмотрю. Она всех своих собирает. Кстати, ее зовут Анна Павловна, и она как раз сейчас планирует рассадку в вагоне.

– Ой, девчонки, побежали! – заволновались приятельницы. – Попросим, чтобы нас всех в одно купе посадили. Маринка, идешь?

– Не-а, – покачала головой одна из девочек. – Я тут побуду. Вы за меня тоже попросите, хорошо?

Девочка грустно вздохнула и движением головы откинула назад пышную гриву светлых волос. Наклонившись к оконному стеклу, она начала чертить на нем пальцем какие-то невидимые знаки.

– Хочешь, скажу, почему у тебя плохое настроение? – Паша подошел к девочке и встал рядом.

– Скажи, – равнодушно проронила та, даже не взглянув на него.

– Тебе нравится один парень, а ты ему – нет.

Девочка вздрогнула, но ничего не сказала. Лишь тонкий пальчик ее, выводящий на стекле рисунки, на мгновение замер.

– Ты хочешь спросить, откуда я это знаю, но стесняешься. И еще ты думаешь, что кто-то из девчонок разболтал твой секрет.

Щеки девочки порозовели, но она молчала. Палец все еще стоял неподвижно.

– Но никто мне ничего не говорил, я просто умею читать мысли. Думаешь, вру? А вот и нет. Хочешь, например, скажу, какой твой идеал мужчины?

Девочка оторвала руку от стекла, почесала удивленно изогнутую бровь.

– Высокий, стройный, с густыми каштановыми кудрями, синими глазами и такой ослепительной улыбкой, что ею можно поджечь целый город. И еще он отлично играет в футбол, настольный теннис и волейбол. Но хотя его мускулам позавидовал бы Шварценеггер, он совершенно не обращает внимания на девчонок, в том числе и на тебя, потому что помешан на футболе. Кстати, я и его имя знаю. Твой идеал – Петька Зуев, так? А ты – Марина Семечкина, верно?

Девочка открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала и решительно сжала губы.

– Если ты меня сейчас прогонишь, я не смогу тебе помочь! – быстро произнес Паша. Голос его был вкрадчивым и мягким. – А если нет... – он чуть-чуть помедлил.

– Что тогда? – Это были первые слова, сказанные Мариной за все время странного разговора.

– А если нет, Семечкина, то скоро у тебя все будет в порядке, – расправив плечи, уверенно проговорил Паша. – Потому что я – тот единственный человек, который может тебе помочь. Так, значит, насчет Петьки я прав?

Шумная ватага детворы, размахивая разноцветными воздушными шариками, промчалась мимо, чуть не сшибив не успевшего отскочить Пашу. Чертыхнувшись, он едва устоял на ногах. Девчонка повернулась и в первый раз за время разговора посмотрела на него. Она была чуть выше ростом, поэтому ее насмешливые светло-зеленые глаза в ободке из накрашенных тушью ресниц смотрели немного сверху вниз.

– А тебе-то зачем это надо? – спросила она. – У тебя-то какой интерес мне помогать?

– Если я отвечу, что помогаю людям просто так, ни за что, потому что такой хороший, ты мне не поверишь, так ведь?

Девчонка неопределенно пожала плечами, и Паша продолжил:

– Поэтому не стану врать и скажу правду: не задаром. Взамен мне от тебя кое-что понадобится.

Девчонка понимающе хмыкнула, скривила губы и закатила глаза к потолку. Ну наконец-то этот странный парень раскололся! А то она уже совсем было решила, что это марсианин. Или добрая фея приняла образ взъерошенного невзрачного мальчишки.

– И что же? – поинтересовалась она. – Сколько, интересно, будет стоить твоя услуга?

– Недешево. – Паша нахмурился, словно что-то подсчитывая в уме. – Думаю, десяти поцелуев хватит.

– Что-о?! – Девочка подскочила к Паше, выхватила у него из-под мышки книгу и занесла над бедной мальчишеской головой. – Что ты сказал?!

– Ты считаешь – это слишком много? Или мало? – Паша увернулся, отпрыгнул за кучу из сваленных сумок, но Марина не отставала. Размахивая книгой, она рванулась вперед, пытаясь дотянуться до него. – Чего ты взъелась так сразу? Можно же поторгаться! – безуспешно пытался втолковать он атакующей фурии.

Объявили посадку, вожатые засуетились, громко выкрикивая фамилии отставших ребят из своих отрядов.

– Лови! – крикнула Марина, перекинув Паше книгу. – Я согласна!

– Вот и отлично, – буркнул тот, запихивая книгу в рюкзак. – Можно было и без таких потерь, – сморщившись, он потер ушибленную во время беготни коленку. – Встретимся в поезде, в десять, в тамбуре между третьим и четвертым вагонами! Захвати ручку, блокнот и карманное зеркальце! – бросил он ей вслед.

Подросшие девчонки быстро расхватили сумки и побежали на перрон. Паша уходил последним. Проходя мимо торговых ларьков, он остановился около одного из них, купил пару толстых парафиновых свечей, зажигалку и поспешил вперед, вслед за ожидающим его вожатым.

В считанные минуты зеленая «змея» проглотила гомонящую разноцветную толпу отъезжающих и, помедлив немного, словно «переваривая» пищу, дала гудок и медленно оторвалась от платформы.

Глава 3

Разговор в вагоне

– Девчонки, у кого есть синяя тушь? У меня только черная, а я хочу попробовать с розовыми тенями.

– На, возьми. А у тебя случайно нет перламутровой помады? И еще мне нужны румяна в тон.

– Вот тени с блестками, никому не нужны?

– Не понимаю, куда моя косметичка запропастилась! Всю сумку перерыла. Неужели дома оставила? Хуже всего то, что именно туда я деньги засунула.

За окнами сгустилась темнота, стук колес успокаивал и убаюкивал, но спать в шестом купе третьего плацкартного вагона никто не собирался. Разложив на столике косметику, девчонки красились. Трое – Надя Липова по прозвищу Липа, Оля Цветковская по прозвищу Ромашка и Оксана Ястребок – уже преобразились. Оттененные подводкой глаза загадочно мерцали в полутьме, ярко покрашенные губы резко выделялись на белых напудренных личиках.

И лишь рослая, крупная Лена Шувалова не принимала участия в этой репетиции маскарада. Кстати, и прозвищем ее наградить не успели – девочка держалась от остальных особняком.

– И зачем вам это надо! – свесившись с верхней боковой полки, критиковала она. – Вы же стали совершенно одинаковыми! Раскрашенные куклы.

– Ничего ты, Ленка, не понимаешь, – назидательно втолковывала ей Марина, которую почти сразу же наградили прозвищем Семечка. Сосредоточенно сопя, она работала над «капризным» левым глазом – тушь никак не хотела ложиться на ресницы ровно, без комков. – Косметика – это не роскошь, а необходимость.

– Точно! – поддержала подругу бойкая вертлявая Оксана. Волосы ее были пострижены так коротко, что подвижная круглая рыжая головка напоминала птичку. За это и за фамилию подруги, не сговариваясь, так ее и прозвали – Птичка. – Вот тебе бы, например, не помешало немного замазать прыщики на лбу. У меня есть дезинфицирующий маскировочный карандаш – просто отличный, под цвет кожи.

– И глаза бы можно оттенить, – добавила худенькая черноволосая Ромашка. Когда она смеялась, на щеках появлялись симпатичные маленькие ямочки. – Они у тебя слишком водянистые, невыразительные.

– Спасибо, не надо, – язвительно отказалась Лена. – Обласкали вы меня, подруги, дальше некуда. Но уж как-нибудь без вашего грима обойдусь.

– Ох, Ленка, не права ты! – покачала головой толстенная кудрявая веснушчатая Надя Липа, припудривая нос. – Без косметики ты кто? Никто. Так, ощипанная курица в городском курятнике. Тебя же ни один приличный парень не заметит. А с косметикой? Совсем другое дело.

– Курица превращается в петуха, что ли? – фыркнула Лена. – Или в павлина? Что-то меня это не прельщает. К тому же такие «приличные», которые только фасад разглядывают, а внутри ничего не замечают, меня не интересуют.

– Как же, как же! А какими глазами ты сама на вокзале этого красавчика разглядывала, Петьку Зуева! – скептически усмехнулась Марина.

– А ты уже и имя его знаешь? – отпаривала Лена. – Хотя, что это я спрашиваю, и так ясно: ты из тех, которые любому появившемуся в поле зрения парню на шею вешаются. Ты у него, наверное, уже и номер телефона выпросила?

– Это я-то вешаюсь? – вскипела Марина. – Ты что, сама не видишь, что мне этого не требуется? – Девочка гордо встряхнула искрящейся гривой густых волос. – А вот тебе-то как

раз и надо бы! С такой бледной, пресной и кислой физиономией на тебя ни один нормальный парень не посмотрит!

– Как-как ты сказала? Пресной и кислой? Не кажется ли тебе, что одно с другим несовместимо? – Лена повысила голос, видно было, что слова Марины больно задела ее.

– У тебя – совместимо! – отрезала Марина.

Девчонки смотрели друг на друга со взаимной неприязнью.

– Ладно, ладно, подруги, остыньте! – миролюбиво произнесла Надя. – Все равно вам делить нечего. Вы видели, как он мимо нас проскочил? Как мимо вулкана во время извержения. Улепетывал со всех ног куда подальше! Говорю вам, такие нашу сестру за километр обходят. Нам тут ничего не светит – ни накрашенным, ни бледнолицым...

– Да? – Марина лукаво улыбнулась. – Посмотрим, посмотрим...

– Девочки, а у вас тут что происходит? – Вожатая, крепкая, высокая, спортивного вида девушка с короткой стрижкой, заглянула в купе и понимающе кивнула: – Понятно. Ко сну, значит, готовитесь. Не забудьте только – уже без пяти десять, отбой через пять минут! И косметику чтобы я больше не видела! Уставом лагеря девочкам до шестнадцати краситься запрещено. А вам всем, насколько я знаю, по пятнадцать. Так что увижу – отниму и выкину, никакие уговоры не помогут! А намазанных буду лично отмывать, с мылом и мочалкой!

– У-у-у, мымра! – бросила вслед ушедшей вожатой Птичка. – Ох, и не повезло нам! Знаю я ее, училка из соседней школы, английский там ведет. Сказать, как ее там прозвали? Зубочистка.

– С таким прозвищем и такими мышцами она нам спокойно жить не даст, – озабоченно вздохнула Надя-Липа. – И почему это нам краситься не разрешают? Это что – концентрационный лагерь, что ли?

– Так отбой уже в десять? – разочарованно протянула Марина. – А я еще левый глаз не накрасила.

На самом деле ее беспокоило другое. Через пять минут Паша будет ждать ее в тамбуре, и нужно во что бы то ни стало незаметно сбежать от девчонок.

– Я пошла умываться! – объявила она, сгребая косметику в сумочку.

– Ну и дела! – покачала головой Лена. – Зачем же ты тогда красилась? Или это нравов учения вожатой на тебя так повлияли?

– Не твое дело, Шувалда! – огрызнулась Марина. – Сидишь там, наверху, вот и сиди!

Вот так и у Лены появилось прозвище. И хотя она всячески противилась этому, к концу поездки кличка приклеилась накрепко.

Глава 4

Идеальная девчонка

– Тсс! – Паша поднес палец к губам. – Зеркало принесла? – спросил он только что подошедшую Марину. – Молодец! Давай сюда. А блокнот и карандаш есть? Отлично! Теперь иди за мной.

– Зачем? – уставилась на него ничего не понимающая девочка.

– Увидишь. И даже поучаствуешь. Слушай внимательно и запоминай: когда я скажу три раза: «Пиковая дама, приди!» – ты должна завывать, и как можно ужаснее! Как если бы ты хотела испугать самую противную училку в школе. Поняла? Повтори!

Заинтригованная Марина, конечно же, ничего не поняла, но автоматически кивнула и повторила полученные инструкции.

– А теперь потренируемся! Только тихо, вполголоса, – проговорил Паша. Они наспех отрепетировали странную сценку, и Марина даже удостоилась похвалы.

В темном тамбуре было пусто и холодно, стук колес казался невыносимо громким. Марина быстро замерзла и начала дрожать – тонкая легкая куртка совсем не грела.

– Ты бы еще в купальнике притащилась! – скептически оглядев девочку, хмыкнул Паша. – Я тебя что, на пляж приглашал? На, возьми! – Он снял с себя полар, накинул ей на плечи. – А теперь пошли! – Он взял девочку за руку и провел через гроыхающий переход в соседний четвертый, мальчишеский, вагон.

В купе, куда они пришли, было пусто – так же, как и в соседних отсеках.

– Наши все в карты дуются, – объяснил Паша. – Залезай сюда, – показал он на свободную верхнюю багажную полку. – Прячься под одеяло и грейся! И обязательно запоминай все, что услышишь. А лучше – записывай.

Он посадил ее, и Марина быстро вскарабкалась под самый потолок.

Едва она успела забиться поглубже и с головой укутаться брошенным Пашей одеялом, в купе появился Петя. Он перекинул Паше колоду карт, тот ловко поймал ее и быстро перетасовал.

– Жаль, ты так рано смылся! – попенял приятелю Петя. – Без тебя вся игра развалилась. Классно ты в преф играешь!

– Ну и? Продулся в дым? – Паша, как ни в чем не бывало, раскладывал перед собой карты.

– Да нет, не успел. Вожатый разогнал. Отбой, говорит. Это в десять-то часов, детское время! А ты чем занимаешься?

– Гадаю. А остальные где?

– Курить пошли в тамбур. А мне куда деваться? Я-то не курю. Нет, все, с меня хватит. Доберемся до места, два дня поживу и сорвусь на фиг. Мне такой жизни не надо.

– Да? Неужели в лагере для тебя нет совсем ничего привлекательного?

– В «Колокольчике» – нет. Зона вперемишку с больницей и детским садом. Лагерь – он и есть лагерь! Скажешь, не так?

– Ну, я бы не был столь категоричен. В любой ситуации есть свои плюсы и минусы.

– Не вижу я никаких плюсов, – упрямо мотнул головой Петя.

– А возможность отдохнуть от предков? А девчонки? Ты видел, какими глазами они тебя на вокзале пожирали?

– И что вы все ко мне пристали с этими девчонками! Они мне не нужны!

Петя раздраженно пихнул кулаком тощую подушку и отвернулся. И этот, Пашка, туда же! А ведь казался приличным парнем. И почему это всем не терпится его посватать? Сговорились они все, что ли? Ну не нравятся ему эти девчонки, и все тут! Вешаются на шею, проходу не дают. Записками на уроках закидывают, а уж как телефонными звонками обложили – ни в

какой Интернет не прорвешься! И все из-за того, что природа наградила его смазливой физиономией. Пушистые ресницы, васильковые глазки, пухлые губки. И эта идиотская родинка над верхней губой! Словно там, где отцовские гены смешивались с материнскими, кто-то решил как следует приколоться над ним, вот и приделали к нормальному туловищу голову слащавого кудрявого ангелочка. Какая-нибудь девчонка была бы рада всему этому антуражу до безумия, а ему на фиг не надо. Другие пацаны чего только не делали, чтобы привлечь к себе девчачье внимание: уши себе прокалывали, носы, пупки, – а он даже и этого не мог себе позволить! Пирсинг при такой внешности был ему категорически противопоказан, он это понял, сделав одну-единственную дырку в левом ухе и продев туда серьгу. Девчонки начали бросаться на него даже на улице и ни с того ни с сего подсаживались в метро, залезая чуть ли не на колени. Вечером после первой же прогулки со злосчастной серьгой он выгреб из карманов целую гору вкусно пахнущих записочек с номерами телефонов, факсов и адресами электронной почты... Тут и понял – все, никаких фенек, колечек, тату и прочих прикамбасов. Это не для него. Иначе девчачье племя разорвет его в клочья на сувениры, растащит по своим косметичкам и альбомчикам.

Как часто, стоя перед зеркалом, он мечтал выглядеть мужественно и неприступно! Как не хватало ему перебитого носа, например, или седой пряди в волосах, или свернутой челюсти, или же, на худой конец, шрама над бровью... Чего он только не делал, чтобы компенсировать «недостатки» внешности – и налысо брился, и волосы отращивал, и стягивал в хвостик, и очки пытался носить, вначале с плоскими стеклышками, потом – с большими темными. Но каким бы он ни был – лысым, лохматым, в очках или без них, – девчонки в один голос твердили, что он «еще больше лапочка». И тогда он нацепил на физиономию угрюмую маску, ходил, вечно уставившись под ноги, отшивал девчонок грубостями, усиленно занимался спортом и качался, в последние полгода в составе сборной выиграл чемпионат района по футболу и оброс хорошими крепкими мускулами. Но эти дуры ничего не хотели понимать! Чем дальше, тем больше они вешались на него, не давая жить нормальной жизнью. Он так мечтал хотя бы на лето уехать от них куда-нибудь подальше. Туда, где не будет этого сумасшедшего, бесцеремонного, раскрашенного, пахучего, хихикающего, волнующего племени! Где они не достанут его, где он не увидит их блестящих глаз, смеющихся ртов, длинных ног, выпуклостей под майками...

А вместо этого его послали в этот лагерь. В самые лапы этого глазасто-губасто-рукастого чудовища!

И единственный человек, который показался ему приличным, и тот туда же, с этими идиотскими вопросами.

– Ну ты даешь! – никак не мог успокоиться Паша. – С такими данными – и затворник! Да ты бы какую хочешь девчонку мог окрутить! Мы бы их всех в одну очередь выстроили, номерки бы на руках написали, и ты бы мог два года каждый день гулять с новой.

– Больше, – усмехнулся Петя. – Лет десять, не меньше.

– Да ты что! – ахнул Паша. – А вообще-то... – Он принялся внимательно изучать разложенные перед ним карты. – Даже гадать не надо, и так ясно, что в этом плане перспективы у тебя просто обалденные.

– Вот именно этого-то я и не хочу, – вздохнул Петя. – Понимаешь? Думаешь, легко, когда вся эта очередь охотится за тобой? Ты уже не человек, а первый приз, подарок для чемпионки.

– Так ты что же, принципиальный женоненавистник?

– Пока нет, но все к тому идет.

– А если подумать? Неужели не найдется такая, которая бы тебе понравилась? Ну, хотя бы просто так, абстрактно?

– Абстрактно? То есть в идеале, значит? Хорошо, скажу. Но только ты учти, что таких в принципе не бывает! По крайней мере, я еще не встречал.

– Ладно, проехали, гони дальше.

– Ну, во-первых, надо, чтобы она не красилась. Терпеть не могу, когда с лица штукатурка сыплется! – Петя загнул первый палец.

– Это я согласен. Я тоже не люблю помаду слизывать, когда целуюсь, – авторитетно заявил Паша.

– Во-вторых, чтоб не курила! – подумав, изрек Петя и загнул второй палец.

– Согласен! С курящей целоваться – себя не уважать. Знаешь, как говорили древние? «Поцеловать курящую женщину – все равно что облизать пепельницу».

– Так это древние говорили? – усомнился Петя. – Ну, ладно, хорошо. В-третьих, чтобы пила поменьше. Я про алкоголь.

– И это в точку! – горячо поддержал Паша. – С пьющей целоваться – последнее дело! Все равно что... что...

– Что вылизать чужую бутылку, – нетерпеливо подсказал Петя. – Да что ты все – целоваться, целоваться! Как будто это самое главное!

– Конечно, главное! Хотя тебе пока рано про это знать, ты у нас не дорос еще... – попытался пошутить Паша, за что тут же был удостоен крепкого подзатыльника. – Ну ладно, это я так просто! Говори дальше.

– Записываешь? Зачем это еще? Ну, ладно, дело твое. На чем мы там остановились?

– В-четвертых, – напомнил Паша.

– Хорошо, в-четвертых. Чтоб не врал. Ненавижу, когда врут! – Петя зажал безымянный палец.

– Это ты в точку. Ну? А в-пятых?

– В-пятых, чтобы мне на шею не вешалась. И вообще парням. Терпеть не могу таких, которые сами себя предлагают!

– Да? А как же тогда Татьяна Ларина? Она же первая Онегину написала!

– Но это же Пушкин придумал, ему все можно. Хотя, если хочешь знать мое мнение, она тоже могла бы подождать, пока он сам на нее обратит внимание. Так что тут она была не права. Я так и в сочинении написал, а училка разозлилась почему-то. Перечеркала мне все, тройбан вlepила.

– Ладно, проехали. Тройбан – еще не самое страшное в жизни. Дальше что? Это будет уже в-шестых. Да разожми ты этот кулак, боишься, что пальцев не хватит?

– А? Да, ты прав. В-шестых... Дай сообразить. Ага. Вот. Девчонка должна быть похожа на девчонку. Ну, то есть чтобы не бегала как лошадь с парнями, знаешь, есть такие, с ходу и не поймешь, какой у них пол.

– В футбол, что ли, чтоб не играла? – уточнил Паша.

– Ну да. У парней – мужские дела, а у девчонок должны быть свои, женские. Терпеть не могу, когда какая-нибудь фифа вылезет на площадку и все внимание на себя перетягивает. Научите меня, покажите, с какой стороны по мячику ножкой бить. Думает, никто не видит, что не игра ее интересует, а игроки! Не умеешь играть, так и сиди себе, фенечки плети, нечего игру портить.

– То есть ты хочешь, чтобы она не лезла играть в футбол, а плела фенечки, – сформулировал Паша. – Что у нас там дальше?

– погоди, дай подумать...

– Ну, что-нибудь конкретное, про рост и размеры... – подсказал Паша. – Зена или Дюймовочка?

– Ни то ни то, – покачал головой Петя. – Ну, то есть чтобы не небоскреб или там не Эйфелева башня, а нормальный средний рост. И размеры нормальные, средние – что-нибудь вроде Курниковой или Бритни Спирс.

– Отлично! Это было в-седьмых и в-восьмых. Дальше?

– А не хватит? Я уже ничего больше не могу придумать! – взмолился Петя.

– Нет, не хватит, – твердо заявил Паша, глядя в сторону третьей верхней полки. – Для ровного счета надо, чтобы было десять.

– Ну, тогда ты за меня сам чего-нибудь придумай, – предложил Петя.

– Как я могу? – пожал плечами Паша. – Это же твоя идеальная девчонка, а не моя. Ну, подскажу только немного. Например, она должна быть красивая или как?

– Ну, не то чтобы фотомодель, но симпатичная! – кивнул Петя. – Записывай! Пункт девятый. Симпатичная. С крокодилом кому ж охота общаться.

– А с интеллектом? Тебе какая нужна – умная или не очень?

– Слишком умных не люблю. С ними сам себя идиотом чувствуешь. Но и дура не нужна!

– То есть чтобы вы с ней одного уровня были, да?

– Во-во! Записал?

– Записал. Все десять пунктов. Да, такой тебе, пожалуй, не найти, – перечитав, с сомнением покачал головой Паша.

– Вот и я про то же.

– Знаешь что! А давай пари?

– Пари? Какое?

– Что хотя бы одна из девчонок в лагере будет идеальной.

– Ну, ты и загнул! Чтобы в этом осином гнезде... А хотя ладно, давай пять. Хочешь попасть головой в петлю, дело твое! Мне-то что! Хоть какое-то развлечение... На что спорим?

– Если ты выиграешь, я исполняю любое твоё желание. А если выиграю я – ты исполнишь мое! Идет?

– Идет! Заметано!

Глава 5

Пиковая дама

– О чем базар? – Ребята вломились в купе как раз тогда, когда приятелям нужно было разбить соединенные в споре руки.

– Мы тут поспорили насчет суеверий, – опередив Петю, быстро ответил Паша. – Я вот верю в приметы, а Зуев – нет.

– Но я не... – воспротивился было Петя, однако Паша с силой стукнул его кулаком в бок. – Да-да, насчет суеверий. Не верю я во всю эту ерунду, – поняв смысл удара, подтвердил Петя.

– Я предлагаю ему на спор вызвать Пиковую даму, – продолжал Паша.

– Пиковую – чего? – Петя во все глаза воззрился на приятеля. – Какую еще даму?

– Вот эту. – Паша выудил из колоды карту, бросил на стол, потом достал из кармана зеркало и две свечки. – Маркер есть у кого?

Один из парней вытащил из кармана черный маркер, протянул Паше.

Тот быстро нарисовал на зеркале значок пик и тянущуюся к нему слева снизу вверх лесенку. Прилепив жвачкой зеркальце к оконному стеклу, он взял затем два граненых стакана, поставил в них свечки, зажег и установил импровизированные подсвечники перед зеркальцем так, чтобы свечки отражались в нем. Между свечками он положил карту с изображением пиковой дамы.

Как раз в этот момент в вагоне погасили свет. В купе, где горели только ночники и свечки, стало страшновато и таинственно.

– Готовы? – шепнул Паша.

И парни, придвинувшись поближе друг к другу, выдохнули:

– Ага!

– Тогда внимательно глядите в зеркало на отражение свечек и мысленно повторяйте за мной. – Паша вздохнул поглубже, три раза взмахнул руками и глухим утробным голосом проурчал:

– Пиковая дама, приди!

При этом он бросил быстрый взгляд на верхнюю багажную полку, но никто из попутчиков не заметил этого – все сидели, напряженно уставившись на зеркало и мерцающие в нем огоньки свечек.

– Пиковая дама, приди! – повторил Паша во второй раз, чуть громче. Наверху что-то шевельнулось, и тогда Паша быстро выкрикнул в третий раз:

– Пиковая дама, приди!

И тут случилось нечто настолько невероятное, что никто и никогда не поверил рассказам присутствовавших на этом сумасшедшем спектакле мальчишек.

Откуда-то сверху, из-под самого потолка, послышался странный нечеловеческий голос. Вначале он был тихим, тонким, но постепенно становился все громче, заполняя собой все пространство купе.

– Я иду-у-у! – выло под потолком неведомое чудовище. – Я уже ту-у-ут!

Тираду завершил оглушительный, похожий на взрыв хлопок.

– А-а-а! – заорали парни, вцепляясь друг в друга. – А-а-а! – Толкаясь, они выскочили из купе и помчались по коридору.

– Она там! – кричали они выбегающим навстречу взрослым и школьникам. – Она там!

– Да кто, кто она? – допытывались сонные, разбуженные шумом люди.

– Пиковая дама!

А в купе в это время Паша помогал «пиковой даме» слезть с верхней полки.

– Ну ты силен! – восхитилась Марина, когда они выскользнули в тамбур. – Давно уже так не веселилась! Как они заорали, а?

– Что вы, что вы, аплодисментов не надо, – скромно потупился маг и чародей. – К тому же ты и сама была на высоте. Выла просто блеск! Где это ты так научилась? И что это у тебя там так своевременно хлопнуло?

– Шарик. Там, наверху нашла, – она протянула Паше резиновые обрывки.

– Молодец, – похвалил он. – Так ты слышала, о чем мы с Зуевым говорили?

– Ага, – кивнула Марина.

– И записала?

– Все до последнего слова!

– А что теперь надо делать, поняла?

– Пока не очень. – Марина виновато пожала плечами.

– Ладно. Завтра после линейки объясню. Встречаемся в Беседке Влюбленных ровно в 11.00. Запомнила?

– А где это – Беседка Влюбленных? И откуда ты про нее знаешь? А, понимаю! Ясновидение!

– Вот именно! А теперь иди! – Паша подтолкнул девочку к выходу, но она медлила, переминаясь с ноги на ногу.

– Слушай... А ты и в самом деле на картах гадать умеешь? – спросила наконец она.

– В самом деле, – хитро усмехнулся Паша.

– Странно! Я думала, гадалки – только женщины. – Глаза девочки горели от любопытства.

– У нас, у цыган, все с пеленок гадают, и женщины, и мужчины, – объяснил Паша, взъерошив короткие черные волосы.

– Так ты – цыган?! – Марина замерла с открытым ртом.

– Ага. По прапрапрабабушке с материнской линии. Между прочим, с нее Пушкин Земфиру писал! – Серые глаза парня лукаво блеснули.

– Это какую Земфиру? Певицу?

– Иди спать, Семечкина! – Паша, смеясь, снова подтолкнул девочку к двери. – Классику читать надо!

– Хорошо, хорошо... Только ты обещай, что погадаешь мне, ладно? – Марина умоляюще сложила ладошки под подбородком.

– Ладно, ладно... – Паша повернулся, чтобы уйти, но она остановила его.

– Чего тебе еще? – обернулся парень, и тут девочка наклонилась к нему и чмокнула в щеку.

– Ты чего! – пробормотал смущенный парень. – Я же еще ничего не сделал для тебя.

– А это еще и не плата. Так, аванс, – улыбнулась Марина, исчезая за дверью.

– Ты что это тут делаешь? – Вожатый Андрей возник рядом с Пашей словно из-под земли.

– Курю, – объяснил Паша. – Или пью. Или провожу время с девочками. Что вам больше нравится?

– Хорош, ты хоть час можешь прожить без вранья?

– Я никогда не вру, – покачал головой Паша. – Это неконструктивно. Знаете, поговорка есть такая: «Честность – лучшая политика».

– А ну, честный, марш спать! – Андрей вытолкал парня из тамбура.

Глава 6

Хитроумный план

– Я тебя уже полчаса жду! – прошептал Паша, когда освещенный солнцем силуэт девочки возник в проходе увитой плющом и укрытой разросшимися кустами шиповника беседки. – «Баунти» растаял совсем. На, бери.

– «Баунти»? Спасибо! – Марина разорвала обертку, половинку шоколадки протянула Паше. – Как ты узнал, что это мой любимый? И откуда ты его взял? – Она уселась напротив, волосы рассыпались по загорелым плечам золотым водопадом.

– Из дома привез. Специально для тебя!

– А откуда ты... – Марина хотела было спросить, откуда он мог знать, что они встретятся, но Паша нетерпеливо махнул рукой.

– Короче. Ты тетрадку догадалась захватить?

– А как же! Вот. – Марина достала из рюкзака розовый блокнот, протянула Паше. – Только я тут коряво все записала, темно было.

– Нет, ничего, прилично, – похвалил парень, разглядывая записи. – Какой у тебя красивый почерк!

– Мой главный талант, – с гордостью ответила Марина. – Меня в классе вечно сажают поздравления всем писать и приглашения всякие. А еще – подписи учителей в дневниках подделывать. Один в один снимаю, не отличить!

– Да? Ты почерки умеешь подделывать? Ага... Классно, это нам пригодится! – Паша поднял вверх палец с видом человека, сделавшего великое открытие. – Значит, так. Садись сюда, поближе, и слушай, что я тебе буду говорить.

Марина пересела к Паше, тот положил на круглый столик ее блокнот и свою тетрадку, достал ручку и начал что-то быстро писать.

– Слушай сюда. Ты думаешь, у нас тогда с Петькой просто так разговор был? Ради этого дурацкого спора? Ничего подобного. Это было аналитическое тестирование. Понятно?

– Не-а! – честно ответила Марина. Она во все глаза глядела на Пашу.

– Сейчас объясню. Давай для начала обобщим имеющиеся факты. Итак, в процессе беседы мне удалось выяснить облик Петькиного идеала. Эта мифическая девица:

1. Не красится.
2. Не курит.
3. Не пьет.
4. Не врет.
5. Не вешается на шею.
6. Умеет вязать фенечки и не играет в футбол.
7. Среднего роста.
8. Средних размеров.
9. Симпатичная.
10. Не дура.

– Ой, а я сразу по трем пунктам не подхожу! Или даже по четырем, – прочитав анкету, расстроилась Марина. – Крашусь, вешаюсь на шею, не умею плести фенечки, и бывает, что вру.

– Ничего, не расстраивайся! – успокоил девочку Паша. – Зато по четырем другим ты очень даже подходишь. Ну-ка, попробуй изобразить мой почерк! – попросил он Марину.

Та взяла ручку, минуту подумала, а потом добавила к списку пункт 11 и быстро приписала Пашиным почерком: «Влюблена в меня как кошка».

– Пять с плюсом, – выставил оценку Паша, изучив запись. – Одна рука, не отличить. Если бы не видел, что это ты настрочила, точно решил бы, что сам писал. Палочки у «к» размашистые, «ю» широкая, и даже вот этот штришок у «а» заметила. Молодец! Глаз – алмаз.

Марина внимательно перечитала написанное и покачала головой.

– Может, он нарочно тебе все это наговорил, чтобы спор выиграть? Да он такую не то что в нашем лагере, вообще нигде не найдет!

– А ему и не надо будет искать! Мы сами подсунем. И это будешь ты! А про спор он не мог заранее знать. Ведь спорили-то мы позже! Так что наговорил он мне это совсем не нарочно.

– Но я-то совсем не его идеал.

– Значит, тебе с моей помощью нужно сделаться такой, какая ему нужна, и дело с концом!

– Ой, и правда... А я не догадалась! Здорово! Пашенька, ты просто гений! – Слова «с моей помощью» вселили в девочку твердую уверенность в успехе.

– погоди, не торопись! – Тени от колышущихся листьев скрыли густо покрасневшие щеки Паши. – На самом деле все не так просто, как на первый взгляд кажется. Тут надо действовать с умом, постепенно. Мы должны будем основательно поработать над каждым пунктом.

Марина слушала затаив дыхание. Порыв теплого ветра разметал волосы девочки, донес до парня теплый цветочный аромат, струящийся от ее волос. Он на секунду замер, пригнувшись.

– Кстати, а что это у тебя за духи?

– Ландыши. Наши, классные, я их больше всего люблю. Только теперь – йок! Нету больше «ландышей». Это остатки, еще дома душилась.

– Почему это нету? – нахмурился Паша. – Куда ж они делись?

– Сперли! Даже не представляю, когда успели? Пузырек у меня в тумбочке стоял. Перед тем как идти сюда, хотела подушиться, а там – пусто. Только немножко запаха и осталось. Жалко, конечно! Но ведь в результате хорошо получилось? Он же не любит, чтобы девчонка косметикой пользовалась.

– Да, это нам в кассу, хотя конкретно о духах Петька ничего не говорил. Так на чем мы остановились?

– Поработать над каждым пунктом, – напомнила Марина.

– Ага. Именно так. Мы должны вылепить из тебя настоящий идеал. Но только для усиления эффекта нам обязательно понадобится отрицательный пример. Чтобы был контраст. Понимаешь?

– Не-а! – искренне замотала головой Марина. – Какой еще контраст?

– Ну, нам нужна такая девчонка, которая будет полной противоположностью этого самого идеала. Она, наоборот, станет краситься, вешаться ему на шею, забрасывать письмами, гонять с ним в футбол и все такое. Ты будешь воплощенной мечтой, а та – полным кошмаром. И она так достанет его, что он сам прыгнет в твои объятия! Ясно?

– Ты думаешь? – нахмурилась Марина. – А вдруг именно она ему и понравится?

– Исключено. Он таких терпеть не может, мы же это в поезде выяснили! К тому же в наших силах немного подстраховаться. Можно, например, выбрать из твоих подруг такую, которая никогда, ни при каких условиях не понравится ни одному парню. Какую-нибудь высокоценную дылду без всяких перспектив. Есть у вас такая?

– Есть, – подумав, кивнула Марина. – Ленка Шувалова. Если бы она стала Петькиным кошмаром, я была бы за него спокойна. Но вот только как нам этого добиться? Она не красится и вешаться ни на кого не собирается...

– А вот для этого нам и нужен будет твой главный талант и мои мозги. Сделаем так...

Паша наклонился к Марине и быстро, жарко зашептал ей что-то на ухо. Девочка молча кивала и тихонько хихикала.

- Здорово! Так ей и надо, этой Ленке. Злючка высокомерная, хорошо бы ее проучить.
- Согласна? Тогда встречаемся здесь же после тихого часа, – закончил он.
- Идет! – кивнула она. – Слушай, с такими гениальными способностями – а почему же ты сам не влюбишь в себя какую-нибудь девчонку?
- Всему свое время, – туманно ответил Паша, срываясь с места. – Все, пока!

Глава 7

Похищенная анкета

– Девчонки, что у меня есть! – Марина с шумом ворвалась в комнату, где только что вернувшиеся с полдника подруги уже начали собираться на дискотеку. – Вот, смотрите, – она бросила на стол тонкую помятую тетрадку. – Галка Акулова, из четвертого отряда, у брата стащила и мне передала.

– Это у Сереги Акулова? Того, который в нашем, пятом? – Заинтересованные девчонки сгрудились вокруг тетрадки. – А что это тут? Ой! Анкета! «Идеальная девчонка» называется!

– Тут такое написано! – Марина села к столу, открыла тетрадь и прочитала:

«Твое любимое имя:

Твой любимый вес:

Твой любимый рост:

Цвет волос:

Цвет глаз:

Размер бюста:

Какое радио она должна слушать:

Увлечения:

Ее любимые группы и певцы».

– А кто заполнял? – Девчонки рвали анкету у Марины из рук, но та крепко прижала ее к себе.

– Седьмая комната. Давайте я вам лучше зачитаю, кто что написал. Ну? Кого первого?

– Симонова! Акулова! Зуева! Килиянчука! – наперебой кричали девочки, и Марина отметила, что никто не назвал фамилии Паши Хороша. Правда, она и раньше знала, что такие, как он, особой популярностью не пользуются.

– Ладно, давайте по порядку, – решила Марина и начала читать.

Каждый из ответов встречался веселым визгом и комментариями девочек, которые «примеривали» на себя приметы идеала.

– Надо же, Акулову рыжие нравятся! И с голубыми глазами! Это же как раз про меня, вы так не считаете? – «Птичка» Оксана рассматривала в зеркале свою бритую почти наголо голову. – Знала бы, так не стриглась бы. А то он и не разглядит, что я рыжая.

– А как вы думаете, я русая или каштановая? – интересовалась кудрявая Надя. – По моему, все-таки каштановая. Симонову как раз такие и нравятся, кудрявые и веселые. Вот только про веснушки он ничего не пишет. Оксанка! Это у тебя был тональный маскировочный карандаш? Давай сюда, буду веснушки замазывать.

– А мне вы что, Килиянчука оставили? – возмутилась Оля. – Тоже мне, подруги, называется!

– И Зуева, – напомнила Марина.

– Нет, это Ленкин кадр. Он там такие размеры указал, что я в них утону. Я для него мелковата, так что придется подгрести к Ваньке Килиянчуку. К тому же брюнетки как раз в его вкусе.

Да, это было так. Если ответы остальных парней были расплывчаты и каждой приходилось «подправлять» что-то в себе, чтобы как можно ближе подобраться к идеалу, то в ответах Пети Зуева был изображен именно портрет Лены, и девочки не могли этого не отметить.

– Надо же, ну просто вылитая! – подкалывали они Шувалду. – Как будто сфотографировал. Ну-ка, Марин, зачитай еще раз! Какое там у него любимое женское имя?

– Елена, – повторила Марина. Про себя она не переставала удивляться прозорливости Паши, предсказавшего ей, что все именно так и будет.

– А какой любимый женский рост?

– 178 см.

– О! Ленк, а у тебя сколько?

Лена стояла спиной к девочкам, лицом к окну и теребила штору.

– Сто семьдесят восемь! – ответила она, и дрогнувший голос выдал ее волнение.

– А вес? Что он там про вес написал?

– Семьдесят один с половиной.

– Тебе подходит, Лен?

Девочка молча кивнула.

– А любимые группы? Ага. Земфира и «Крематорий». Ленка! Попробуй сказать, что это не про тебя! Вон у тебя плеер на тумбочке валяется, а там как раз Земфира и «Крематорий»! Девчонки, это же просто мистика какая-то! Астральные тела там разные, звезды говорят и все такое! Ой, девчонки, смотрите! Тут и про то, кто какой размер бюста предпочитает. Во дают!

Девчонки разглядывали выведенные корявыми почерками строчки.

– Тут снова про Ленку! Ну один в один! Мамочки, я сейчас в обморок упаду. Так не бывает!

Лена не участвовала в общем разговоре, хотя и сама была поражена тем, насколько описание Петькиной идеальной девчонки подходило к ней самой. Ей было и приятно, и страшно – вдруг это все розыгрыш, прикол. Хотелось еще и еще раз вслушаться в то, что написал один из самых привлекательных мальчишек, которых она когда-либо встречала. «Но ведь на вокзале он не обратил на меня совершенно никакого внимания! – разговаривала она сама с собой. – Конечно, не обратил, ведь он и не подозревает, что я – тот самый идеал, который изображен в анкете». Как, как же она сможет доказать ему это? Как привлечь его внимание? Его наверняка пол-лагеря окучивать будет, где уж тут пробиться!

– Понимаете, девчонки, это же наше руководство к действию! Выбирайте себе парней и становитесь их идеалами, – разъясняла тем временем Марина.

– Семечка, ты просто гений! – восклицали девчонки. – Такой классный способ! Мы теперь знаем, куда нам целить.

– Смотрите, не промахнитесь! – напутствовала их Марина.

Вот так случилось, что все лавры достались ей, хотя должны были по праву принадлежать Паше – ведь именно он изобрел трюк с анкетой. Он сам придумал вопросы и во время тихого часа пустил тетрадку и ручку среди парней в своей комнате. Ребята изрядно веселились, но под Пашиным чутким руководством обошлось без нецензурностей и пошлостей.

– Все, к чему бы ни прикасалась ручка, должно быть написано так, чтобы не стыдно было показать потомкам, – объяснял он приятелям. – А вдруг вы станете великими людьми? И за вашими детскими записками выстроится очередь из коллекционеров. Представьте, как вам тогда придется краснеть за юношескую словесную нечистоплотность!

– Во загнул, – гоготнул Серега Акулов по прозвищу Акула. – Раз ты такой умный, Пашка, скажи: а как же тогда Пушкин? Он тоже в молодости нецензурщиной баловался!

– А в зрелости страдал, мучился и сожалел, что был таким неразборчивым.

– Да? Ну ладно, убедил. Для потомков так для потомков.

Всего этого Марина не знала. Когда после тихого часа они встретились в Беседке Влюбленных, она увидела в руках у Паши уже заполненные анкеты.

Марина начала было внимательно читать, но Паша остановил ее.

– Некогда! Успеешь еще! Нам сначала надо дело сделать! Как следует изучи вот этот почерк, – скомандовал он, раскрыв странички, заполненные Петей Зуевым. – Запомнила?

Теперь мы все это сотрем... – Он быстро вывел чернила специальным стирателем на другом конце своей ручки.

Марина изучила не только почерк, но и сами ответы, с удовлетворением отметив, что по описанию почти всех параметров она подходит к Петиному идеалу очень близко.

– А теперь таким же почерком ты должна написать вот это, – и он подsunул под руку Марины исписанную бумажку, на которой значились все данные о Лене Шуваловой.

– Зачем еще? – уставилась на парня Марина.

– Когда Ленка прочитает анкету, то не сможет не узнать саму себя. Она вообразит, что является Петиным идеалом и наверняка захочет обратить на себя его внимание.

– И уж тогда-то нам не составит трудности превратить ее в Петькин кошмар! Здорово придумано, – одобрила Марина. – А ты уверен, что это именно ее данные? – кивнула она на бумажку.

– Сведения из первых рук! Ты же знаешь, я в таких вещах не ошибаюсь.

– Ты что, гадал? Тебе карты подсказали?

– Карты, – кивнул тот. – Только не гадальные, а медицинские. Пришлось ненадолго нейтрализовать врачиху, пробраться в медпункт и сдуть там все Ленкины данные.

– Ну, ты даешь! А врачиху-то ты как нейтрализовал? Она же не стала бы ни с того ни с сего из медпункта уходить.

– Она и не вышла, а выбежала, когда я ей сказал, что повар в столовой нуждается в ее помощи. После моих слов как ветром сдуло.

– Ой, это как-то нехорошо. Получается, ты обманул ее?

– Ты разве не знаешь, что я никогда не вру? – обиделся Паша. – У врачихи с поваром – роман. Так что он действительно нуждался в ее помощи! А что до остального, то это будет сказка с хорошим концом, вот увидишь. Врачиха и сама лишний раз была рада повидаться со своим объектом, так же как и он с ней. К тому же я ничего у нее не стибрил, только эти данные выписал.

«Как же здорово он все предугадал!» – восхищалась теперь Марина, исподтишка наблюдая за Леной. Она ясно видела, что чтение анкеты пробрало девочку, задело за живое. Так ей и надо, гордячке! А прикидывалась, что Петька Зуев ее совершенно не интересуется, нападала на других.

– Девчонки, а давайте и мы тоже анкету заполним и подкинем парням! Пусть и о себе почитают, нечего им одним идеалы выдумывать!

Идея, брошенная Птичкой, была с энтузиазмом подхвачена остальными.

– Чур, я первая! – закричала Оксана. – Дайте мне тетрадку, я сама там все вопросы распишу.

Работа закипела. Кто-то достал чистую тетрадь, кто-то подsunул Оксане ручку, потом началось коллективное выдумывание вопросов. На смех и крики начали заглядывать другие девчонки и парни, но их не пускали. С неприступным видом Надя отгоняла всех от двери, тем самым еще больше усиливая любопытство незваных гостей.

– Пусть это будет нашей собственной фенькой. Ноу-хау! – шептались взбудораженные девчонки из четвертой комнаты.

Вскоре анкеты были готовы и заполнены, передать их парням поручили Марине.

– Ты что-то зачастила в Беседку Влюбленных, – ехидно заметили подруги. – С кем это ты там время проводишь?

– А, с Пашкой Хорошем, – махнула рукой Марина.

– И что же вы там делаете, с этим умником?

– В шахматы играем, – пожала плечами Марина. – Кроссворды разгадываем!

Она придумала это на ходу и тут же решила, что выдумка была отличной – игры стали бы замечательным прикрытием их с Пашей бурной деятельности. Как там Паша говорит? Честность – лучшая политика. Надо бы попросить у вожатой карманные шахматы и пару сборников кроссвордов.

– Марин, у тебя что, температура? – Девчонки, хихикая, переглянулись. – Тебе что, делать больше нечего? Ты же тут самая шикарная, тебе стоит пальцем пошевелить, и любой парень – твой!

– А мне не нужен любой, – покачала головой Марина и хитро улыбнулась: – Мне нужен самый лучший!

Глава 8

Перед дискотекой

Подготовка к первой лагерной дискотеке была в самом разгаре. Полуодетые девчонки, распаренные от беготни и суеты, метались от зеркала к шкафчикам и обратно, примеривая разнообразные наряды. Лица лоснились от кремов, полотенца уже стали черно-красными от вытирания накрашенных тушью и тенями глаз и измазанных помадой губ – косметика пробовалась и так и сяк, накладывалась щедрой рукой и тут же с неудовольствием смывалась. Скомканная одежда валялась на кроватях и тумбочках, перелетала от одной подружки к другой. Каждой хотелось выглядеть в самый первый вечер сногшибательно, чтобы ни один из парней не остался равнодушен к ее красе.

Неожиданно была обнаружена пропажа главного «руководства к действию» – мальчишеской анкеты.

– Девчонки, какие там глаза у Ванькиного идеала? – поинтересовалась Оля, укладывая надо лбом челку. – Мне надо тушь подобрать. По-моему, он написал карие, у Ольки как раз коричневая тушь есть, с ней мои глазки вполне сойдут за цыганские.

Все принялись искать заветную тетрадку (каждой хотелось оказаться поближе к «идеалу»), но анкета куда-то загадочно исчезла. Девчонки начали ворошить тумбочки и шкафчики, и вскоре беспорядок усилился настолько, что найти в нем что-либо было уже абсолютно нереально. Добавляла суматохи и необходимость все делать тайно от вожатой – суровая Анна Павловна то и дело заглядывала в комнату, и девчонки едва успевали прятать сокровища в тумбочки и сумки.

На этот раз Марина не участвовала в переодевании и гримировке. Она сосредоточенно обдумывала слова, сказанные ей Пашей во время их последней встречи: «Главное для тебя сегодня – позабыть о себе и заняться Ленкой. Действуй строго по плану! На площадку ты должна выпустить конфетку. Теперь твое счастье – в твоих руках».

Вот почему перед этой дискотекой Марина, к большому удивлению подруг, почти совсем не занималась собой. Она лишь немного поколдовала с прической и остановилась на самом простом варианте – разделенных на косой пробор и распущенных по плечам волосах с двумя маленькими заколками сбоку. Правда, нельзя сказать, чтобы такое невнимание к себе далось ей легко. Рука не раз тянулась к косметичке, где лежали любимые вещички – тональный карандаш, контурные – для губ и глаз, помада, румяна, тени, пудра, духи, лак, смывка... Это была не какая-нибудь дешевая косметика с рынка, нет, все было фирменным, собиралось поштучно, на скопленные карманные деньги, Марина и сейчас с закрытыми глазами могла бы сказать, где и когда купила ту или иную вещицу.

Теперь же надо было сосредоточиться на том, чтобы превратить Ленку в «кошмар», хотя, с точки зрения Марины, та и так была таковой, без всяких ухищрений. Шувалда, одним словом! Может быть, ей и самой придет в голову немного накраситься и что-нибудь сделать со своими бесцветными неинтересными волосами?

Марина поискала Лену глазами – в комнате ее не было. Где же она, интересно? Семечка вышла в коридор, прошла из конца в конец и нашла Лену в холле, в закутке у окна. Рядом лежали раскрытая анкета, тюбик туши и коробочка теней. Глядя в маленькое зеркальце, принципиальная Шувалда неумело пыталась оттенить глаза черной подводкой. «Ага! Сработало! – удовлетворенно улыбнулась Марина. – Молодец все-таки Пашка! И как это он умеет все видеть наперед? Не иначе цыганские гены дают о себе знать».

Теперь надо было заговорить с Леной. После размолвки в поезде это было трудно, девочки чувствовали друг к другу неприязнь и антипатию. Но пока одна раздумывала, с чего бы начать, другая сама оторвала от тетрадки глаза и увидела стоящую. Покраснев, Шувалда

быстро спрятала руки за спину. «Дурища! – усмехнулась про себя Марина. – Чего ты пытаешься от меня спрятать? Все, что нужно, уже написано на твоём раскрашенном лице!»

Словно догадавшись о её мыслях, Лена залилась краской (теперь уже естественной) и, запинаясь, спросила:

– Ты за тетрадкой?

– Ага. Девчонки обыскались уже, – Марина постаралась, чтобы в голосе не было насмешки: Ленку ни в коем случае нельзя было сейчас отпугнуть.

– Вот, возьми, – сглотнув, Лена кивнула на тетрадь.

Марина подошла поближе, внимательно всмотрелась в лицо девочки.

– Ты неправильно красишься! – вырвалось у нее. Она тут же пожалела об этих словах – пусть бы и красилась так, как сейчас! С такой физиономией она – настоящее пугало, истинный «кошмар». Но было поздно, слова сказаны, их не вернуть.

– Почему? – растерянно переспросила Лена. Она поднесла к лицу зеркальце и принялась крутить головой, недоуменно изучая свое отражение.

– Линии под глазами жирные и неровные, и тушь на ресницах комками лежит. Вульгарно и грубо. К тому же через час это все потечет, и ты будешь выглядеть, как... как женщина легкого поведения.

– Да? – Лена расстроилась. – А мне казалось, ничего...

– Это у тебя от неопытности. Многим так кажется, когда они первый раз дорываются до косметики, – авторитетно заявила Марина. – Это твое? – показала она на тушь и тени.

– Не-а. У Ольки взяла, – Лена краснела все больше и больше. – А это – у Липы.

– Тебе не с этого надо начинать, а с маскирующего карандаша. Знаешь, как смотрятся накрашенные глаза по соседству с прыщами? И одета ты не фонтан. У тебя что, только одни джинсы и футболка на все случаи жизни?

– Еще шорты и спортивный костюм, – потупилась Лена.

– А из обуви? Что-нибудь, кроме этих кроссовок?

– Только кеды... и сапоги резиновые.

«Сапоги резиновые! О чем только она думала, когда в лагерь отправлялась? Она что, на дискотеку собиралась в сапогах резиновых ходить?!»

– Ты бы еще валенки прихватила! – не сдержавшись, хихикнула Марина. – Ты, наверное, с одним рюкзаком сюда приехала?

– Ага, – Лена выглядела убитой и несчастной. – Но я же не предполагала, что... что...

«Что тебе захочется понравиться парню», – мысленно закончила за нее Марина.

– Ну, ладно. Что-нибудь придумаем. Пойдем в комнату, у нас там полно всего, подберем тебе подходящий прикид.

– Я... я не могу. Девчонки засмеют.

Марина чуть было не ляпнула: так тебе и надо! Но вовремя сдержалась. Терять с Леной контакта сейчас ни в коем случае нельзя.

– А ну-ка, встань! – скомандовала она. – Покрутись. – Она принялась внимательно осматривать Лену. – Так... наверху и в бедрах ничего, стройненькая, тридцать восемь примерно. Это наш сорок четвертый, – пояснила она в ответ на удивленный взгляд Лены. – А какой у тебя размер ноги?

– Тридцать девятый, – вздохнула Лена.

– Да, не Золушка. Но не переживай, у меня самой тридцать восемь с половиной. Жди тут, я сейчас приду!

Она схватила анкету и побежала в комнату – времени до дискотеки оставалось совсем немного.

Девчонки встретили ее радостными криками.

– Семечка, ты гений! Где ты ее откопала? – Они наперебой вырывали у нее из рук тетрадку.

– Места надо знать! – улыбнулась Марина. – Ромашка, у тебя, кажется, серая подкладка была? Ты не дашь мне?

– Бери, конечно.

– Птичка, и твои асфальтовые тени с блестками я возьму, хорошо? Липа, а ты свою блузочку серебряную не будешь надевать?

– На, держи! – Надя перекинула Марине маленький блестящий комочек.

– Девчонки, у кого-нибудь есть свободная юбка или брюки?

– Черные бриджи устроят? – подала голос Птичка.

– Давай! И еще бы какие-нибудь босоножки приличные... Ни у кого нет?

На этот раз ответом ей было молчание. Марина, поколебавшись, вытащила из-под кровати сумку со своими вещами и выудила оттуда пару легких серебряных босоножек. «Придется отдать их Ленке! – с сожалением подумала она. – Ничего не поделаешь, мне самой сегодня вряд ли придется танцевать, можно и в кроссовках остаться». Она прихватила заодно оттеночный рыжий лак с блестками и, схватив вещи в охапку, по-мчалась в холл к Лене.

– Раздевайся! – скомандовала она, бросив всю кучу на журнальный столик перед телевизором.

– Как, прямо здесь? – Лена, покраснев, оглянулась.

– А где еще? – удивилась Марина. – Да ладно, чего стесняешься, тут же никого нет!

– Пойдем лучше в туалет!

Девчачий туалет располагался на противоположном конце коридора. Туда-то и направились сообщницы.

– Надевай вот это, – Марина протянула Лене одежду. – И вот эти босоножки, – со вздохом закончила она.

– А может, сначала накрасимся? Вдруг Зубочистка нас засечет?

– Эх, деревня ты, деревня! Сапоги резиновые! Да разве можно краситься перед тем, как оденешься?

– А разве нельзя? – искренне удивилась Лена.

– А ты попробуй как-нибудь – только не сейчас! – натянуть обтягивающий топ или кофточку через раскрашенную морду. У тебя же вся одежда перепачкается! А знаешь, между прочим, как это трудно отстирывать? Особенно фирменную тушь и помаду, – со знанием дела поучала Марина.

Лена, быстро раздевшись, принялась натягивать принесенные Мариной вещи.

– Как влитые! – восхитилась «модельерша», разглядывая «манекен». – А у тебя фигурка очень даже ничего, – пробормотала она, качая головой. Под ее руководством Шувалда получилась что-то уж слишком привлекательной. А вдруг Зуев по-настоящему «западет» на нее? Ну, ладно, мы ей сейчас такую боевую раскраску наведем, что его сразу отметет куда подальше.

За всеми преддискотечными проблемами Марина совсем забыла о собственных делах, но потом вдруг с удивлением поняла, что совсем, ни капельки, не волнуется. Хотя, по идее, должна была бы – ведь скоро произойдет самое главное: первая встреча Зуева со своим «идеалом» и «кошмаром». Сработает или не сработает Пашин план? Оценит ли Петя ее внешность? Заметит ли сдержанные манеры? Странно, но ни тени сомнения не было в душе у Марины. Конечно, оценит! Непременно заметит! Паша обещал, что все будет в порядке, значит, так и получится!

Она не знала, что так хорошо организованное Пашей предприятие было на грани срыва. И только из-за того, что Петя Зуев, кумир стольких девчоночьих сердец, предмет обсуждения во всех без исключения отрядах, ну никак, ни в какую не желал идти на дискотеку! Остальные

парни, ради столь важного случая как никогда чистые, причесанные и принаряженные, уже давно вышли из корпуса, и только Паша все еще безуспешно пытался уговорить Петю.

– Ненормальный! Настоящий псих! Не пойти на дискотеку, самое главное лагерное развлечение! – Паша крутил пальцем у виска и тяжело вздыхал.

– Не собираюсь я светиться на всяких там танцульках! – Петя безразлично пожимал плечами. – А развлекаться можно и по-другому. Спортом заняться, например.

– Спортом? Прямо сейчас? На ночь глядя? – вопрошал Паша, кругами бегая по комнате. – Почему, ну почему ты отказываешься? Ты можешь мне объяснить?

– Конечно! Через несколько дней начинается чемпионат лагеря по футболу, я должен как следует высыпаться, чтобы быть в форме. – Петя лежал на покрывале и что-то рисовал в тетрадке.

– Так ты что же, спать собираешься?! – возмущению Паши не было предела. – Так сразу и ляжешь, когда мы уйдем?

– Ну, не сразу, конечно. – Петя не отрывался от своего занятия, сосредоточенно выводя на тетрадном листе какие-то загогульки. – Покумекаю, кого куда из пацанов раскидать. В целом я уже решил, мини-футбол – это не большой, всего пять человек определить надо. Два нападающих, один полузащитник, два в защите. Но дальше у меня затык, глобальная проблема. Никто не хочет на воротах стоять! Гуру, хоть на минуту забудь про дискотеку и помоги гибнущему другу! Ты у нас все знаешь! Что мне делать?

– А Кила спрашивал? – Килом прозвали рыжеволосого Ваню Килиянчука.

– Спрашивал! Отказался. Говорит, что он нервный слишком, неуравновешенный, ему гол забьют, а он в морду даст без предупреждения. Нас из-за него вообще с соревнований могут снять!

– Акуле предлагал?

– Тоже отказался. Да я и сам понимаю, что ему на ворота – нельзя, он слишком активный и долго там не устоит, будет все время выбегать. Я даже Симону предлагал. Так он меня знаешь куда послал? Я от него никак не ожидал. Пашк, мне бы хоть кого-нибудь! Только бы дыру в воротах заткнуть! Мы его прикроем, у нас команда – будь спок, он может просто стоять, семечки шелкать или журнальчик почитать. Ну хоть кто-нибудь бы согласился, а? А про дискотеку и не говори мне ничего! Пока не решу проблему, даже и с места не сдвинусь.

Паша закусил губу в бессильном отчаянии. Как растопить эту ко всему безразличную глыбу льда? Похоже, он ни о чем другом думать не может, кроме своего футбола! Неужели их с Мариной гениальный план в первый же день потерпит крах только из-за того, что Зую некого поставить на ворота?

И вдруг... Очередная гениальная мысль посетила Пашу, как всегда, внезапно и в самый нужный момент.

– Слушай! Я, кажется, придумал! – Просияв, он поднял вверх палец – извечный жест человека, сделавшего великое открытие. – На ворота встану я! – Он гордо выпятил грудь и направил кончик вздернутого носа к потолку.

– Ты?! – Петя оторвался от записей и изумленно посмотрел на приятеля. – Ты – на ворота? Да тебя же первым ударом снесет, к сетке припечатает! Ох, извини... Я не то хотел сказать. Просто я не знал, что ты умеешь играть в футбол.

«Я тоже не знал», – про себя вздохнул Паша. Пете же он ответил:

– Футбол – это моя самая любимая игра. Исключая шахматы, конечно.

Он не соврал, хотя бы просто потому, что, кроме шахмат, ничего другого не умел.

– Тогда просто отлично! – Петя радостно соскочил с кровати, чтобы хлопнуть приятеля по плечу. – Значит, будем в одной команде!

– Я завтра встану в ворота, но только в одном случае, – остановил его Паша. Он чувствовал, что теперь его черед диктовать условия.

– Ну? Говори! Для своего вратаря я что угодно сделаю!

– Да? И даже пойдешь сегодня на дискотеку?

– Ах ты... – Петя стащил с кровати подушку, кинулся за Пашей. – Ах ты, хитрован!

– Ладно, ладно, утихни, – смеясь, уворачивался от ударов тот. – Иди лучше на танцульках энергию расходуй.

– Ладно, уговорил. – Петя бросил подушку обратно на кровать, наспех пригладил волосы. – Я готов! Пошли!

– Как! Ты прямо так и пойдешь? – Паша критически оглядел Петю. – Прямо вот в этих спортивных штанах с протертыми коленками и в рваной потной футболке?

– А что? – искренне удивился Петя. – Я должен ради тебя еще и марафет наводить? Или ради девчонок? Ничего, и так сойдет! Может, это хоть какую-нибудь отпугнет, а то и так не знаю, куда от них деваться. Все равно как мухи налетят, хоть я в валенках и тулупе появлюсь. Да не дрейфь ты, я проверял! – Хлопнув Пашу по плечу, Петя подтолкнул его к двери.

Глава 9

Дискотечные страдания

В наступивших сумерках ярко освещенная танцплощадка казалась волшебной бригаантиной, отправляющейся в дальние странствия. Вожатые и педагоги вышли на боевые посты, рассевшись на лавочках, ближайших к левому борту «судна». За беззаботными и веселыми разговорами они скрывали напряжение и готовность разогнать эту шайку-лейку при первом же скандальном эксцессе. Каждый из воспитателей бдительно следил за «своими», отнимая то вдруг появляющиеся в руках пачки сигарет, то банки с пивом. По правому борту, среди лип и рябин, расселись повара и другие работники столовой, к ним же присоединился медпункт в полном составе – врач, медсестра и нянечка.

Экипаж и пассажиры «романтического судна», разодетые в лучшие наряды девчонки и парни, стояли кучками вдоль ограждения, возбужденно переговаривались, хихикали и переглядывались. Гремела музыка, но в центре площадки было пока пусто – ждали диджея Васю Быстрова, который по традиции всегда открывал первую лагерную дискотеку.

Марина и Лена держались особняком – бывшая гордячка теперь тенью следовала за наставницей (можно сказать, как спортсменка за тренером), готовая выслушивать новые и новые указания. Марина не возражала – ей тоже было удобнее, когда «кошмар» находился рядом: так выгоднее оттенялись преимущества «идеала». Обе нервничали, их волновало отсутствие Пети Зуева. «Почему его нет? – гадали безутешные страдалицы, обратив лица к корпусу пятого отряда. – А вдруг не придет?» Каждая из них втайне страшилась, что все тщательные сегодняшние приготовления пропадут даром. Хотя для Марины все шло очень даже неплохо – неожиданно случилось еще кое-что, приблизившее Лену к «кошмару», а ее, Марину, к «идеалу».

Когда перед самой дискотекой они наводили в туалете последние штрихи, Лена, оглянувшись по сторонам, достала из кармана мятую пачку и вынула оттуда сигарету.

– Ты куришь? – поразилась Марина.

– Да нет вообще-то. Только иногда затягиваюсь, когда нужно расслабиться. Закурим?

– Я не курю, – пожала плечами та. Это было правдой. Марина на самом деле не курила, причем по принципиальным соображениям: ее мама-врач с детства внушила ей, что в городе с такой плохой экологией, как Москва, курить не просто вредно, а глупо и преступно. «Если бы ты знала, какая дрянь оседает у нас в легких! Они же просто черные от грязи и пыли, почти окаменевшие». Мама Марины знала, о чем говорила: она была хирургом-пульмонологом и видела легкие москвичей каждый день на операциях. Чтобы ее не сочли «белой вороной», Марина начала курить в седьмом классе, но тут же и бросила, не желая добавлять в свой организм дряни помимо городского смога.

Лена закурила, затянулась только раз, потом затушила сигарету и выбросила ее.

– Все! Хватит на сегодня. Думаю, я уже в порядке.

«Как же, как же! – скептически усмехнулась Марина. – В порядке! Знала бы ты, что творишь. Накрасилась, куришь... Ты не можешь сделать больше, чтобы оттолкнуть его!» Но она ничего не сказала.

А охваченной волнением Лене даже не пришло в голову поинтересоваться, почему это ее спутница, проявившая столько заботы о внешнем виде других, сама отправляется на дискотеку в джинсах и футболке. Эта маленькая странность прошла мимо занятого совсем другими мыслями сознания Шувалды. С той минуты, как она вышла из корпуса, для нее перестало существовать все, кроме НЕГО.

Но вот наконец Петя появился – они шли вместе с Пашей и о чем-то оживленно беседовали. Приблизившись к девочкам, Паша незаметно подмигнул Марине, а потом, быстро оглядев Лену, поднял большой палец на опущенном кулаке.

«Одобрят! – поняла она. – Одобрят мои махинации с Ленкой!»

Когда парни проходили мимо, Паша что-то шепнул Пете и толкнул приятеля в бок – тот обернулся и оценивающе посмотрел на стоящих неподалеку девочек. «Началось! – Марина скромно потупила взор. – Сравнивает меня и Ленку!»

Она была права. По дороге на дискотеку парни снова вернулись к недавнему спору, и теперь Петя с торжеством доказывал Паше свою правоту – среди встречаемых девчонок не было ни одной ненакрашенной.

– Я же тебе сразу говорил, они будут намазаны, все до одной! Я в этих делах собаку съел! Вон, посмотри на эту! Такое чувство, что ее в бочку с краской обмакнули, на физиономии – все цвета радуги! А вон та – да это же просто тушите свет! Под глазами такие синяки, будто она с Тайсоном два часа боксировала. А вот эта? Видал когда-нибудь такую боевую раскраску? Ходячая реклама магазина красок! А у этой губищи – как у объевшегося вампира!

Знали бы бедные девчонки, какими нелестными были отзывы парней!

– Рано еще делать выводы, – упрямо мотал головой Паша. – Твое заключение не правомерно. Ты не можешь экстраполировать полученные результаты на всю популяцию, потому что выборка – не репрезентативна.

– Говори проще, Гуру! – Петя недовольно сплюнул. – А то у меня голова от таких слов пухнет!

– Я имею в виду, что нельзя делать выводы по такому небольшому количеству девочек. Может быть, остальные как раз не накрашены! Посмотри, например, вот на этих двух, – они как раз приблизились к Марине и Лене. – Не станешь же ты отрицать, что одна из них – очень даже ничего!

Петя нехотя бросил взгляд в указанном Пашей направлении, оглядел девочек, быстро отвернулся и кивнул, бросив скороговоркой:

– Да, одна действительно ничего.

Но понять, которую из двух он имеет в виду, было совершенно невозможно. Если Марина в своих нехитрых одежках была похожа сама на себя, то Ленка совершенно преобразилась. Легкая серебристая блузка и обтягивающие черные бриджи подчеркивали красоту и стройность фигуры, высокие каблукы открытых босоножек приподняли девочку еще, и теперь она возвышалась над остальными, подобно античной богине. Но больше всего преобразилось ее лицо. Прыщики на лбу и на щеках исчезли под аккуратным слоем тона. Глаза, едва заметно подведенные карандашом и тушью, ярко сияли на ясном, чуть тронутым загаром и румянцем лице, блестки на веках и скулах загадочно мерцали, делая Лену похожей на выросшего эльфа или помолодевшую фею. Не забыты были и губы – Марина потрудила на славу, и теперь от блестящих сочных губ Лены невозможно было оторвать глаз. Внимание публики привлекла и оригинальная прическа, которую Марина изобрела, что называется, «на ходу» – начесав волосы «чертиком», она отдельные пряди поставила торчком и сделала рыжими, выкрасив и закрепив оттеночным лаком с блестками, другие же свернула крендельками и укрепила длинными яркими шпильками-палочками.

– Кто это? Откуда она взялась? – перешептывались девчонки, впервые увидев преобразившую Ленку.

– И откуда, интересно, у нее моя блузка? – недовольно нахмурилась Липа.

– И мои бриджи? – подняла брови Птичка.

– Девочки, держите меня! У меня глюки! Кажется, я узнаю свои тени с блестками! – Ромашка уцепилась за Надю.

– А откуда у нее такая шикарная тату на руке? Дракончик с копьем. Это же из Маринкиной коллекции! И босоножки Маринкины!

Перешептываясь, девочки во все глаза разглядывали «незнакомку».

– Да это Шувалда! – ахнув, догадалась наконец Птичка. – Это же наша Ленка!

– Не может быть, – выдохнули остальные, но теперь стало ясно видно – это действительно она.

– Да она просто королева! – с легкой завистью вздохнула Липа.

– Кто бы мог подумать! Из такого пугала – такая конфетка! – покачала головой Ромашка.

– Это все Маринка, она ее в люди вывела. Да вот же, рядом!

Действительно, общие переживания сблизили недавних врагов – теперь Лена и Марина стояли рядом и волновались вместе.

Голос диджея зазвучал как раз тогда, когда парни подошли к своим.

– Привет, народ! Рад всех видеть. Надеюсь, встречаемся не в последний раз! И для разминки – композиция группы «Savage garden» «To the Moon and Back». Для тех, кто не знает, – это медленный танец! Подергаться еще успеете, – соловьем заливался диджей. – Кавалеры приглашают дам! Смелее, пацаны! Они не кусаются, можете мне поверить!

Самые смелые парни оторвались от перил и направились к девочкам. Те нервно хихикали, стараясь сделать вид, что им безразлично, кого из них пригласят.

И тут произошло неожиданное. От группы девочек оторвалась одна фигурка и направилась к компании парней.

– Она что, с ума сошла? – прошелестели ей вслед удивленные голоса. – Разве сейчас белый танец?

Парни, удивленные не меньше, в напряжении замерли. К кому из них подойдет отчаянная, нарушившая неписанные правила?

– Девчонки! Да это же наша Ленка! – ахнула Оля. – Совсем рехнулась!

– Вот тебе и тихоня, – осуждающе пробасила Надя.

– Недаром говорят: «В тихом омуте черти водятся!» – поддакнула Оксана.

По мере того как девочка приближалась к «мужской половине», напряжение нарастало.

Лена (а это действительно была она), чувствуя, как дрожат ноги от устремленных на нее всех – абсолютно всех! – взглядов, медленно двигалась вперед. Разговоры прекратились, несколько танцующих пар замерло, даже говорливый диджей и тот замолчал, ожидая развязки. Пригласить парня на первом же танце, да еще и не на белом! На это способна не каждая.

Но Лена вовсе не была такой отважной. Она сама никогда бы не решилась, если бы не Марина. Едва только зазвучала музыка, она ткнула Лену кулаком в бок.

– Иди, пригласи его!

– Ты что, с ума сошла? Я не могу! – Лена испуганно замотала головой.

– Пригласи, говорю! Сейчас как раз самый удобный момент. А то потом другие девчонки налипнут, ты к нему и не пробьешься!

Поколебавшись, Лена решилась. Это было похоже на прыжок в воду с десятиметровой вышки или же на выход к доске отвечать экзаменационный билет без подготовки. А может быть, так же чувствовала себя Татьяна, когда писала Онегину?

Лена подошла к Пете:

– Ты танцуешь?

Красный как рак Петя быстро замотал головой. Похоже было, что он собирается спрятаться от девчонки за спину маленького, щуплого Паши.

– Нет? – Лена готова была провалиться сквозь землю. Какой позор! Сейчас он ей откажет на глазах у всего лагеря, да ей же не отмыться от насмешек до конца смены!

С видом утопающей она обернулась к Марине. «Спаси! – отчаянно молили ее глаза. – Придумай что-нибудь! Ты меня втянула в это, выручай теперь!»

Марина, закусив губу и нахмурившись, вместе с остальными наблюдала за разыгрывающейся на ее глазах немой сценой. Посланный Леной взгляд она переадресовала Паше – ведь это именно он заварил всю кашу, пусть теперь думает, как выкручиваться!

Поймав взгляд, Паша тут же вступил в игру.

– Он танцует! – твердо ответил он за Петю и подтолкнул футболиста к Лене.

– Ага, – автоматически подтвердил Петя и, немного потоптавшись, неловко обхватил девочку за талию.

Лена облегченно вздохнула и положила руки парню на плечи. Пара начала осторожно переступать ногами – это был пресловутый медленный танец для всех, кто не умел танцевать ничего другого. Партнеры были настолько поглощены нехитрыми движениями, старанием не отдавить ноги друг другу, что не замечали ничего вокруг – например, того, что Паша и Марина в обнимку уже качаются рядом, и головы их почти соприкасаются. И если первая пара танцевала молча, словно воды в рот набрав, то вторая, наоборот, говорила без умолку, хотя и тихо. И хорошо, что Лена и Петя не увидели приятелей и тем более не услышали их, иначе они бы очень удивились и призадумались.

– Молодец! – прошептал Паша Марине, едва они оказались рядом и на безопасном расстоянии от остальных.

– Ты думаешь, все в порядке? – с сомнением покачала головой девочка. – Но он же не обращает на меня никакого внимания!

– Так надо, – успокоил девочку Паша. – Эта твоя «кошмар» вышла просто супер. И накрашенная, и выше его на полголовы, и сама ему на шею повесилась. Три-ноль в нашу пользу!

– Четыре-ноль! Она еще и курит! – добавила Марина.

– Отлично! Не волнуйся, это только первый шаг, все должно развиваться поэтапно и постепенно. Можно сказать, что сегодня мы посеяли семена. Теперь будем ждать всходов!

– А как же я узнаю про эти самые всходы? – прагматичная Марина побыстрее хотела добиться конкретного результата.

– Подожди немного, – прямо в самое ухо прошептал ей Паша. – В нашем деле, как и во всяком другом, главное – терпение.

Музыка закончилась, пары раскололись надвое, разошлись к своим. Вася врубил быструю чумовую композицию «Offspring», и застоявшиеся подростки дружной гурьбой заполнили площадку.

Подошедшего к нему Пашу Петя встретил выговором:

– Знаешь, больше этого не надо, ладно? «Он танцует» и все такое! Я сам за себя решу, понятно?

– Ясно, не кипятись. Я же для тебя старался, думал, тебе приятно будет, – пожал плечами Паша.

– Мне? Приятно? Да я лучше пятьдесят раз на одной руке отожмусь или три матча в воротах простою, чем еще один такой танец! – Петя вытер ладонью пот с мокрого лба.

– Да! Вот здесь я с тобой согласен! У некоторых девчонок – ну никакого стыда и гордости! Так и норовят повеситься на шею! – понимающе кивнул Паша. – Но ведь есть и другие! Как тебе, например, вон та? – Он кивком показал на танцующую в толпе девчонок Марину. – Совершенно естественна, не красится и никуда не вешается. Как ты ее находишь?

– Ничего, – пожав плечами, буркнул Петя.

– Э, ты мне это брось! Мы с тобой спорили или нет? А как же я смогу доказать свою правоту, если ты даже смотреть на девчонок не хочешь?

Петя нехотя оглянулся и в течение нескольких минут пристально изучал Марину.

– Действительно, не намазана, – не мог не признать он.

– И держится скромно! Не то что вон те, которые нашим проходу не дают, – Паша указал на Маринкиных подруг, окруживших мальчишек.

– Да, ты, пожалуй, прав, – не мог не признать Петя.

– Ну, так неужели же девочка, завоевавшая сразу два очка в гонке на звание идеала, не заслуживает хотя бы одного небольшого танца?

– Как, опять?! – Петя схватился за голову. – Опять танцевать?! Для меня это пытка, я не выдержу!

– А кого ты поставишь завтра на ворота? – угрожающе произнес Паша, и Петя, вмиг сникнув, сдался. – Это будет самая короткая композиция, – успокоил друга Паша. – Вот увидишь, я лично позабочусь!

И действительно, он оставил Петю и начал пробираться через толпу танцующих к сидящему у пульта диджею.

– Все в порядке! – доложил он, вернувшись. – Договорился. Хорошо еще, у него нашлось! «Love me tender» выдержишь?

– Это Элвис? Ладно, эту можно!

Петя исполнил свое обещание и честно оттанцевал с Мариной все куплеты нехитрой классической композиции.

После танца Марина, веселая и раскрасневшаяся, подбежала к Паше.

– Спасибо! – Обняв парня, она крепко чмокнула его в щеку. – Это не в общий счет, а просто, – объяснила она. – Все так здорово, ты и не представляешь! Мы с ним даже поговорили немножко, вот!

– Да? И о чем же это, интересно?

– Вначале он спросил, курю ли я. Я ответила, что нет – это чистая правда! Я и в самом деле не курю.

– Поздравляю, – кивнул Паша. – А потом?

– А потом он спросил, не пью ли я. И тут я ответила ему все, как есть! Я вообще в рот не беру алкоголя, у меня на спиртное аллергия – вся покрываюсь красными волдырями.

– Ну а он? – Паша изо всех сил сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– А он почему-то так вдруг огорчился, ты не представляешь! До конца танца молчал, ни о чем больше не спрашивал.

– Ну а ты-то довольна?

– Еще бы! Прекраснейший день в моей жизни!

Довольной и счастливой выглядела и Лена, когда они вместе с Мариной возвращались вечером с дискотеки.

Перед тем как разойтись по комнатам, Лена задержала Марину и, наклонившись, чмокнула в щеку.

– Спасибо! – улыбнулась она ошарашенной девочке. – Без тебя у меня сегодня ничего бы не получилось!

Вот так и Марина удостоилась в этот вечер дружеского поцелуя. Однако он не принес ей радости. Неловко кивнув, Семечка быстро убежала в свою комнату, и Лена не увидела, как сильно она покраснела.

– Это ты, Маринк? – Ромашка, зевая, смывала с лица косметическим молочком макияж. – У нас с Килиянчуком, кажется, все на мази. Он меня завтра после тихого часа в Беседку Влюбленных пригласил. Как ты думаешь, это он мне свидание назначил или что?

– После тихого часа? – переспросила Марина. Именно на это время они с Пашей тоже договорились встретиться в беседке. – А почему не после завтрака?

– Да у них же чемпионат по футболу скоро начинается, ты что, не знаешь? Завтра первые тренировки.

– А кто капитан?

– Зуев, конечно! – Оля ехидно взглянула на Марину. – Что, Ленка тебе дорожку перебежать решила? Будете теперь отбивать его друг у друга?

– Не будем, – поджала губы Марина. – Мне этот Зуев и неинтересен совсем.

Перед сном Марина открыла маленький розовый блокнотик, в котором решила вести дневник. «Мечта сбылась! – такими были первые слова. – Я сегодня танцевала с Ним! Он сам меня пригласил, на глазах у всех. Это было классно! Правда, мы почти все время молчали, он спросил только о курении и выпивке, а больше ничего. Не поинтересовался даже, как меня зовут! Но зато он целых три раза наступил мне на ногу! Разве это не явный признак того, что я ему нравлюсь? А вечером Пашка сообщил, что Петя меня не только заметил, но и оценил: он сказал, что я выгляжу и держусь очень естественно. А про Ленку сказал ему, что таких нахальных и намазанных еще ни разу в жизни не встречал. Молодец, Пашка! Классно он придумал подделать в анкете Петькин почерк и вписать все данные Ленки! Если бы не этот фокус, мне бы ни за что не удалось довести Ленку до такого позора».

Марина положила ручку на тумбочку, заперла блокнотик на замок и закрыла крошечным ключиком, который вместе со своим знаком Тельца носила на цепочке на шее. Она закрыла глаза и почти мгновенно уснула.

Многим девчонкам и парням в эту ночь снились хорошие сны. Но особенно сладкими были сны двух девочек, которые в этот первый день в лагере смогли осуществить свои заветные мечты.

Глава 10

Дебют вратаря

Следующий день лагерной жизни был таким насыщенным, что и у этих двух девочек, да и у всех остальных, любовные страдания отошли на второй план.

На утренней линейке состоялось торжественное открытие лагеря, энергичная веселая начальница Любовь Петровна объявила программу на предстоящую смену.

– Времени свободного у вас почти не останется, это я обещаю. Отдых будет таким активным, что передохнуть будет некогда, извините за каламбур. Надеюсь, проживем мы с вами эту смену без особых катаклизмов и чрезвычайных происшествий. Но, если что, сами понимаете – вы все здесь уже взрослые, значит, и проблемы наши будем решать по-взрослому.

Она рассказала о спортивных соревнованиях, о театральном фестивале, к которому каждый из отрядов должен поставить спектакль, о предстоящих походах и экскурсиях, о многочисленных кружках и секциях.

– А когда расслабляться-то? – ворчала за спиной у Марины Надя-Липа. – Мы после учебного года – как выжатые лимоны!

– Кто лимоны, а кто – баобабы, – хихикнул Кил, оглядев кругленькую толстенькую Липу.

Разгневанная девочка замахнулась, но парню удалось увернуться от ее затрещины, спрятавшись за спиной вожатой. Но с этого момента новая кличка намертво приклеилась к Наде, вытесняя старую, и ей всю оставшуюся смену пришлось яростно, но безуспешно бороться за сохранение «доброго имени».

Вскоре после завтрака начались спортивные тренировки, заработали кружки и секции. По совету Паши Марина записалась сразу в два – по плетению фенечек и в театральный.

– Когда ты подаришь Петьке фенечку с его именем, то сразишь его наповал, – увещевал Марину Паша: девочка не хотела тратить солнечные летние деньки на скрупулезное рукоделие, к которому она была совершенно не склонна. – Ты просто добьешь его своими совершенствами.

– Ладно, – вздохнула Марина. – Пойду запишусь. Хотя как бы эти фенечки меня саму не добились.

Решение сыграть в спектакле тоже было принято под влиянием Паши.

– Да пойми ты: совместная игра на сцене сближает, как ничто другое! После того как двое изображают влюбленных, они почти что всегда влюбляются друг в друга и в жизни. А если уж в спектакле есть сцена с поцелуями, то дело, считай, выиграно!

– А что, нам разрешат поставить спектакль с такими сценами? – засомневалась Марина. – Вон начальница тут такая крутая, да и наша Зубочистка ничего такого не допустит!

– Не надо раньше времени паниковать, – успокоил ее Паша.

Опять же по его совету Марина уговорила Лену пойти в секцию легкой атлетики.

– Ты помнишь, он говорил, что не любит, когда девчонка бежит как лошадь! – напомнил ей Паша. – А у этих легкоатлетов тренировки как раз вместе с футболом. Ты только представь, что будет, когда он ее каждый день на стадионе встречать станет!

Марина поговорила с Леной, та неожиданно легко согласилась.

– Вообще-то, я и сама хотела, я ведь дома спортом занимаюсь, надо держать форму.

Однако Лена вслед за Мариной также изъявила желание играть в спектакле.

– Да зачем тебе это надо! – пыталась отговорить ее Марина. – Театр – это не для тебя! Поверь мне: у тебя совершенно нет никакого актерского таланта!

– А у Пети Зуева разве есть? А ведь он тоже будет играть! Я хочу быть к нему поближе, неужели непонятно!

Вот это Марине было как раз совершенно ясно, но допускать такого было нельзя. Однако ей пришлось смириться – не могла же она сама вычеркнуть фамилию Шувалды из списка!

После той, первой, дискотеки Марина оказалась поверенной в сердечных делах Лены. Теперь она, не стесняясь и не сдерживаясь, говорила о своих чувствах к Пете. Марине было не очень-то приятно выслушивать ее излияния, но она понимала, что в своих же собственных интересах нужно быть в курсе. Так что сейчас ей нечего было возразить Лене, хотя она прекрасно знала, что по своей воле Петя никогда в жизни не стал бы играть в спектакле. Она подозревала, что появление его фамилии в списке желающих играть в пьесе было результатом «обработки» Паши, и была права. Заставить капитана футбольной команды сделаться актером было посложнее, чем убедить девочку: Зуй ни в какую не соглашался, как он говорил, «выделяться» на потеху публике.

– А на футбольном поле ты что, не выделяешься? – возмутился Паша.

– Там – не то, – упрямо мотнул головой Петя. – Там я играю.

– И тут играть будешь!

– Да пойми ты наконец, что там я умею, а тут...

– Нет, это ты пойми, что тебе бы и тут не помешало научиться! Знаешь ли ты, что игра на сцене помогает раскрепоститься, обрести уверенность в себе?

Но, конечно же, самым важным аргументом было то, что Паша все утро простоял на воротах во время тренировки. Правда, из десяти пущенных по его воротам мячей ему не удалось отбить ни одного, зато он все-таки вышел на поле и продержался до конца матча. Петя с сожалением увидел, что вратарь из его умного друга – нулевой, даже хуже – он боится мяча и боится падать, ему явно неприятен шум и грубость игры. Да, тот еще подарочек для команды! Но выбора не было. Несмотря ни на что, он должен был подбодрить новичка.

– Ты просто гладиатор какой-то! – восхищенно присвистнул он, оглядев грязного, со сбитыми коленками и локтями Пашу. – Бычара! Ничего не боишься! Прирожденный голкипер! Где тебя учили так играть?

– В детском саду, – буркнул Паша. Он был недоволен своей игрой и явно фальшивыми словами Пети. Он думал, что после еще одной такой тренировки его самоуважение опустится до нуля и уйдет в минус.

– Следующая тренировка – послезавтра, – сообщил ему Петя, хлопнув по спине. – А пока придумывай название для команды!

Про себя он добавил: «Может, у тебя это получится лучше, чем стоять в воротах». Но вслух произнес другое:

– Я всех уже озадачил, но пока никто ничего приличного не выдал.

– Ладно, помозгую, – Паше хотелось бежать подальше от футбольного поля.

В этот день Марина написала в своем дневнике: «После ужина мы втроем – Паша, Петя и я – засели в Беседке Влюбленных, и Пашка нам гадал на картах. Он классно это делает, совсем как настоящий цыган. Он нагадал мне в скором времени полное перевоплощение, дальнюю дорогу с милым другом, приключение в казенном доме и осуществление всех моих желаний. И еще что-то странное – про запах. Что-то вроде того, что любимый запах поможет мне сделать какое-то важное открытие. Не представляю пока, что все это значит, но звучит просто потрясно! Оказалось, что и Петька тоже верит в гадания! Он так смешно просил погадать насчет чемпионата по футболу – выиграют они или нет, а потом еще смешнее – правильно ли он сделал расстановку. Паша, по-моему, сам едва сдерживался от смеха, но впаривал ему ответы с таким серьезным и важным видом, что Петька ничего не заметил. Хитрый Пашка ничего конкретного не ответил, предсказал ему только два важных выигрыша и один большой проигрыш – умеет же напустить туману! Даже я никак не могла просечь, что он имел в виду. Ну, проигрыш, это понятно – он проиграет Пашке спор. Один из выигрышей – тоже понятно,

наша команда победит в чемпионате по футболу. А вот второй выигрыш? Что еще ему обломится? Как я ни гадала, так и не дошла.

Интересно, Пашка настоящий цыган или заливает?

Сегодня начала плести фенечку. Ну и работа! Нитки путаются, рвутся. Неужели кому-то это нравится?»

Марина бы еще долго писала, пристроившись с фонариком под одеялом, но вскоре сон окончательно сморил ее.

Глава 11

Распределение ролей

Пьесу для фестиваля театральных постановок начали выбирать на следующий же день, прямо на пляже. Накупавшись, пятый отряд расположился на горячем мягком песке под раскидистыми ивами.

Неожиданно для всех Андрей и Анна Павловна проявили полнейший демократизм и лояльность в вопросе выбора произведения и организации репетиций.

– Вы можете представлять все, что хотите, – единодушно высказались они. – Продолжительностью в 15 минут максимум. Только составьте нам расписание репетиций, чтобы мы застолбили вам сцену. Ну и насчет костюмов поможем – в лагере большой выбор.

Воодушевленные открывшимися возможностями подростки главным режиссером предстоящего спектакля единогласно избрали Пашу.

– Играть будем классику! – заявил тот, согласившись принять почетную должность.

– Ну-у! – раздался в ответ общий унылый гул. – Нас уже в школе классикой замучили, так ты еще и сюда протащить ее хочешь!

– Это смотря какая классика и как ее поставить, – наставительно произнес Паша. – Можно такую улетную феньку забабахать, что все фишки на этом фесте сгребем.

– А если на русский перевести? – поинтересовалась Анна Павловна.

– На русский? Будет вам грамота, и большой пирог, и благодарность в приказе от начальника лагеря.

– Хорош, не хамя, – обиделась Анна Павловна.

– Перевел, называется! – усмехнулся Андрей.

– Что бы... что бы... что бы... О! Придумал! Народ, вы сейчас ляжете. Короче, это будет усеченный вариант «Ромео и Джульетты». Целиком за пятнадцать минут все равно не поставить.

– Неплохо, – оценил выбор Боря Симонов. – Только смотря что ты усечешь.

– Сейчас объясню. Усечем всякую там философскую лабуду и отметем всех старперов – ох, извините, Анна Павловна, это я не о вас! Ну, предки, слуги, их треп бесконечный – это сейчас уже неактуально. Мы оставим только любовь и всякие там драки между парнями – это интересно и в кайф.

– А мочилровка там как, до крови? – лениво поинтересовался Кил.

– До смерти, балда! Ты что, «Ромео и Джульетту» не читал? – Петя посмотрел на невежду круглыми глазами.

– Не-а, – пожал плечами Ваня. – Как-то не попадалась мне в руки такая книжонка.

– А фильм? Ты чего, и фильм не смотрел? – удивленно воззрилась на него Ромашка.

– Не-а. Как-то мимо меня проплыло, – равнодушно пожал плечами Ваня. – А любовь у них там – до постели? Или только поцелуйчики одни?

– До постели, до постели, успокойся, бумер! – накинулись на Кила девчонки. – Тебя только это интересует, да?

И тут Ромашка, пресекая дальнейшие расспросы, бойко затараторила:

– Они там поженятся, а потом они убьют его друга, а он замочит ее брата, и его вышлют, а ее заставят выйти замуж за другого, а она не захочет, и священник, типа, отравит ее, но она будет живая, только как вырубленная, а парень будет в непонятках и отравится возле ее тела, а она очнется, увидит его и зарежется, и всем придет полный абзац. Я, когда читала, два дня рыдала потом, даже валерьянка не помогала.

Услышав такую трактовку Шекспира, Андрей с Анной Павловной тихо повалились на песок, давась от хохота.

Но Ваня остался вполне доволен рассказом.

– Ого! Прикольно... – согласился он. – А лет им по сколько было?

– Ей – тринадцать, ему – тоже вроде того... Не помню точно.

– Ух ты! Ну, улет! Ну, ты, Пашка, и замахнулся! И любовь есть, и драчки. Это что же, современное что-то, про мафию, типа «Бригады»?

– Ну ты и чмо! – ошеломленно покачал головой Паша. – Первый раз такого вижу. И где ж ты такой обитал все это время?

– А за «чмо» можно и в пятак! – тут же вскинулся Ваня. – Если я Шес-к-пира вашего не читал, это не значит, что меня оскорблять можно.

– Пятак! О, ребята, это же то, что нам надо! Отличное название для команды! – неожиданно воскликнул Серега Акулов.

– Ладно, ладно, остынь. Обидчивый какой! – принялись успокаивать Кила остальные.

Пашино режиссерское видение шедевра Шекспира было одобрено всеми: девочкам понравилось, что сохранили любовь, парней вполне устроило обилие беспощадных драк, а вожатых удовлетворил сам выбор – втайне они боялись, что их подопечные начнут сочинять что-нибудь непристойное на тему современной жизни, как это происходило в некоторых других отрядах.

Весь тихий час Пашка, с разрешения Андрея, корпел над томиком Шекспира, раздобытым в библиотеке. В помощники себе он выпросил Марину – под предлогом того, что у нее самый красивый и понятный почерк.

– Мне же надо уже сегодня все роли расписать! – объяснил он Анне Павловне, не желавшей отпускать девочку. – Компьютера-то у вас нет! И даже печатной машинки. А мой почерк они как раз до конца смены разбирать будут!

Под давлением неопровержимых доводов Анне Павловне пришлось согласиться и разрешить Марине провести тихий час в холле, за столом, вместе с Пашей.

– Это же надо столько насочинять! – жаловался Паша помощнице. – Рука вычеркивать устала.

Он диктовал Марине места, которые собирался оставить, она аккуратно записывала на разложенных на столе листочках.

– Паш! А кто будет Ромео? А Джульетта? – периодически начинала допытываться она, но Пашка упорно отмалчивался на этот счет.

К концу тихого часа ему удалось завершить правку великого драматурга, сведя пять актов пьесы к постановке с приблизительно таким же сюжетом, каким был рассказ Ромашки. Красивым почерком Марины все роли были расписаны на листочках.

Распределение ролей состоялось вечером, на первой репетиции.

– Назначать я никого не собираюсь, – с места в карьер начал Паша. – Роли раздадим демократично, путем общего обсуждения и последующего голосования, чтобы потом ни у кого ни к кому не было никаких претензий. Для начала выскажите каждый свои пожелания. Есть предложения?

– Да! Чур, я – Джульетта! – хором воскликнули одновременно все девочки.

– Э нет, не пойдет, – усмехнувшись, покачал головой Паша. – Роль одна, вас много... Придется мне принимать решение самому. Семечкина! Джульеттой будешь ты.

Марина радостно захлопала в ладоши, зато другие не постеснялись высказать свое недовольство.

– А почему не я? – обиженно и снова в один голос спросили остальные.

– Ты, Цветковская, слишком маленькая, – принялся объяснять Паша. – В свои четырнадцать...

– Пятнадцать! – возмущенно пискнула девочка.

– Тем более в пятнадцать! Короче, выглядишь на десять. Это не годится. Даже для малолетней Джульетты слишком. Куда тебе, недомерку, любовь крутить? Будешь Джульеттиной мамой, синьорой Капулетти.

– Как это?! – возмутилась Ромашка. – Для Джульетты – недомерок, а для мамы – гожусь?

– Не волнуйся, мы тебя под старушку загримируем.

Наде же он сказал:

– А ты, Липова, как бы это тебе сказать... Совсем даже наоборот. Там, где у Цветковской недобор, у тебя, стало быть, перебор.

– Что?! – возмущенно вскочила Надя.

– А то. Джульетта в два обхвата. Или даже в три. У Ромео рук не хватит тебя обнимать. Так что будешь Кормилицей. Тебя даже и гримировать не надо.

– Да я тебя... – Надя хотела было наподдать главному режиссеру, но ее быстро остановили.

– А чем я тебе не гожусь? – поинтересовалась Птичка.

– Лысая Джульетта? Это оригинально!

– Во-первых, я не лысая, а стриженная! А во-вторых, при чем тут моя прическа? Я ведь могу и парик надеть!

– Зачем же все так усложнять, если есть человек с собственными великолепными волосами?

На минуту все замолчали, потом раздался тихий голос Лены.

– А почему не я?

Оглядев девочку критическим взглядом с ног до головы, Паша вздохнул.

– Джульетта не может быть выше Ромео! А если тебя поставить на каблук, равного по росту партнера не найдется! Дай-ка гляну, что у меня тут для тебя осталось... – Паша посмотрел свои записи, соболезнующе вздохнул и сказал:

– Вот что, Шувалова. Женские роли кончились, зато есть отличная мужская, и как раз для тебя, – Тибальд. Задиристый братец Джульетты, которого Ромео заколол в поединке.

– Ладно, – недовольно буркнула Лена, пронзив Пашу острым, как шпага, взглядом – наверное, тренировалась перед будущей дуэлью с Ромео.

Разобравшись, таким образом, с девочками, Паша перешел к мужской половине. Здесь дело обстояло совершенно противоположным образом. Ленивые парни один за другим наотрез отказались учить длинную, по их меркам, роль Ромео.

– А чой-то девчонки из-за главной роли чуть не передрались? Во дуры! Мне этот Ромео на фиг не нужен, – пожал плечами Серега Акулов. – Ты посмотри, сколько тут строчек учить надо! Это ж убиться можно! Только я о школе забывать начал, как на тебе, снова чего-то зубрить. Мне уж дайте где поменьше, у меня скорость маленькая, я больше одной строчки в день не могу.

– Так... ладно... есть у меня один такой молчаливый. Герцог. На, держи. Всего четыре строчки.

– О! Годится! – будущий правитель Вероны выхватил из рук Паши листок и принялся читать по слогам:

– «Нет по-вес-ти пе-чаль-нее на све-те,

Чем по-весть о Ро-ме-о и Джуль-ет-те».

Это я, пожалуй, запомню!

– Ну и ну! – присвистнул Паша. – Ты читать-то когда научился? Вчера?

– Нет, в третьем классе, – ни капельки не обидевшись, честно ответил Акула. – Но только мне практиковаться как-то особенно не приходилось...

– Ромео – это тот самый влюбленный, который в конце отравился? – с видом знатока спросил Кил. – Нет, это не для меня. Чтобы я из-за девчонки так себя не уважал? Да никогда! Мне бы какого-нибудь крутого пацана сыграть, чтоб попримечательнее был и побольше действовал.

– Есть такой! – кивнул Паша. – Меркуцио. На, держи, – он протянул парню исписанный Мариной листочек.

– О! Отлично! Слов как раз столько, сколько мне надо, – удовлетворенно кивнул Ваня, пробегая глазами убористые строчки. – Коротко, ясно и прикольно. И большая мочилетка на шпагах. А на пистолетах нельзя? Или на автоматах? Или, может, мы гранатки покидаем? Нет? Ну, ладно, шпага тоже ничего.

– Я, конечно, мог бы претендовать и на Ромео, – задумчиво почесал переносицу Боря Симонов. – Но будем смотреть правде в глаза – у Шекспира не сказано, что вес Ромео зашкаливает за центнер. А сбросить до премьеры, боюсь, не успею. Так что мне бы какую-нибудь подходящую роль второго плана. Кого-нибудь поспокойнее, без беготни и драк.

– Второго плана, говоришь? Ладно! Будешь братом Лоренцо.

– Братом кого?

– Да не кого, балда! Это тебя зовут Лоренцо! Ты – францисканский священник, брат по имени Лоренцо.

– Братан, значит? Типа «Брат-2»? Клево!

– На, учи слова. Да не переживай, париться особо не надо. Тут пять строчек всего.

– И все? – радостно воскликнул будущий просвещенный францисканский монах. – Спасибо! А то я по литературе в школе выше тройки даже во сне не получал.

Так же быстро были схватаны и другие небольшие роли – слуг и родственников зловещих семейств Монтекки и Капулетти. Место Ромео оставалось вакантным почти до самого конца первой репетиции – ни один из парней не соглашался сделаться многословным героем-любовником. Отказывались все, и Петя Зуев – решительнее других, ссылаясь на перегруженность тренировками по футболу. И тут Паша решил прибегнуть к военной хитрости. Он подошел к Андрею, до этого молча наблюдавшему за происходящим с последнего ряда открытого театра, и что-то быстро прошептал ему на ухо. Тот кивнул, поднялся и подошел к артистам.

– Так. Исполнителем роли Ромео назначается Зуев Петр. И не возражать! Своим отказом ты подведешь весь отряд.

Командный тон и постановка вопроса ребром сразу нашли понимание у строптивого футболиста – осознав, что деваться некуда, он нехотя согласился.

Ролей с лихвой хватило на всех – вскоре пятый отряд превратился в членов враждующих семейств Монтекки и Капулетти, в их слуг или просто горожан города Вероны. Утомленный непростым процессом распределения ролей, главный режиссер решил первую читку сценария устроить на следующий день.

– Паш! А гримироваться нам нужно будет? – верещали счастливые актрисы.

– А как же! Чем больше, чем лучше – чтобы было видно с самых дальних скамеек.

– А можно мы прямо сейчас потренируемся?

– Тренируйтесь! – великодушно разрешил главный режиссер.

Оксана вызвалась сбегать в корпус.

– Девчонки, кому какую косметику принести? – поинтересовалась она и тут же начала принимать заказы.

Из корпуса она вернулась с вытянутым лицом, пустыми руками и ужасно расстроенная.

– Что? Что случилось? – кинулись к подружке девочки.

– Ой, девчонки, даже говорить не могу, плакать хочется. Вся наша косметика пропала!

– Как это – пропала? Куда?

– Не знаю! Исчезла! Испарилась... И моя косметичка, и твоя, Надь, и Маринкина, и Олина... В тумбочках – пусто!

– Да ты что! Не может быть!

Девчонки стайкой рванулись к корпусу и через пару минут вернулись совершенно убитые. Несколько минут они молча сидели возле сцены, потеряв весь былой актерский задор.

– Ой, девчонки! Как же мне теперь? Без макияжа я просто исчезаю! – простонала Надя.

– А я себя чувствую голой! – горестный голос Оксаны выразил мысли остальных.

– Девочки, я знаю, кто это сделал! – воскликнула вдруг Оля. – Это Зубочистка. Помните, она грозила конфисковать нашу косметику!

– Ой, точно! – Девчонки переглянулись. – Это наверняка она! Вот мырма! Как же мы теперь гримироваться будем?

– Но она не имела права залезать к нам в тумбочки и брать чужое! Это нарушение наших гражданских прав! Пойдемте к ней! – воинственно взмахнула рукой Марина.

– Ой, нет, я не пойду, – отказалась Надя. – Не люблю ругаться.

– И я не пойду, – безнадежно мотнула головой Оля. – Все равно бесполезно.

– Я тоже не пойду, – вздохнула Оксана. – Боюсь, сорвусь, наговорю лишнего, самой же хуже потом будет.

– Ну, как хотите, – пожала плечами Марина. – Я и одна могу.

Анну Павловну она нашла в холле – вожатая читала какую-то книжку.

В ответ на прямой вопрос Марины она удивленно покачала головой.

– Да мне бы и в голову такое не пришло! – искренне удивилась она. – А больше ничего ни у кого не пропадало?

– Надя вчера деньги не могла найти.

– А сегодня нашла?

– Не знаю, – пожала плечами Марина.

Ей хотелось верить вожатой, та говорила искренне, фальшь Марина просекла бы сразу. Но если не Зубочистка, то кто же? Кто мог вытащить из всех девчоночьих тумбочек косметику?

Похожие проблемы возникли и у парней пятого отряда. После репетиции некоторые обитатели седьмой комнаты обнаружили исчезновение денег.

– Не понял! – Кил удивленно разглядывал выдвинутый ящик. Потом, нахмурившись, вытащил его и вытряс содержимое на пол. – Тут у меня две сотни лежало. Куда делись? – Он копался в мусоре, все еще надеясь найти пропажу.

– А я два полтинника под матрас заначил! И все равно какая-то гнида сперла. Узнаю – убью! – рычал Серега Акулов.

Матрас его вместе с бельем был скатан в рулон, и парень в который раз безнадежно шарил рукой по проволоочной сетке. Однако, кроме грязных носков и старого журнала, там не было ничего.

– Тоже мне, нашел тайник! Да под матрас все испокон веков деньги прячут! А я вот скотчем к столу снизу приклеил, и то сперли! – горевал Ваня.

«Все эти пропажи, конечно, подпортили нам настроение, – написала Марина вечером в своем дневнике. – Мы рассказали вожатым, они обещали разобраться. Неужели в лагере появился вор? Если бы не это, все вообще было бы классно. Я буду Джульеттой, а он – Ромео. Петька, по-моему, что-то ко мне уже чувствует. То и дело смотрит на меня и вздыхает. Или это он роль репетирует? Интересно, а как у нас получится целоваться? Да еще перед всеми, на сцене? Этого же тоже без настоящих чувств не сыграешь! Если бы Ромео был какой-нибудь другой парень, я бы ни за что не согласилась! Целоваться с Килянчуком? Или с Симоновым? С Акуловым? Никогда! Все равно что играть в «кис-мяу» перед телекамерой.

Вечером мы все это обсудили с Пашкой, он меня успокоил, сказал, что переживать еще рано. Кроме того, мы с ним решили заделаться сыщиками. Вечером он рассказал мне, что надо провести расследование по поводу пропаж независимо от вожатых. Для этого нужно расспро-

сать дежурных по корпусу, кто к нам заходил в комнаты, когда мы отсутствовали, а потом найти и допросить этих посетителей.

Вот, кажется, и все. Плести фенечки – наказание похуже химии. Сегодня два раза расплетала и начинала снова. Неужели я ее когда-нибудь закончу?»

Глава 12

Плохая игра

Следующий день выдался тяжелым и беспокойным. То ли магнитная буря, обещанная накануне синоптиками, добралась-таки до «Колокольчика», то ли сказалась неожиданная пропаша ценностей, но уже с утра пасмурные лица обитателей лагеря соперничали в мрачности с тучами на небе. Не помогала даже врубленная на весь лагерь Васей Быстрым музыка – хорошо знакомые песни были сегодня не в удовольствие, от них становилось не веселее, а наоборот, тоскливее.

– Нет, не так! Да не так же! – Петя с силой поддавал мяч ногой, в двадцатый раз посылая его в ворота. Паша снова кидался на мяч, и снова его усилия пропадали впустую – мяч всегда летел в сторону, противоположную его неуклюжему прыжку.

– Да что ты шарахаешься от него, как от прокаженного? – нервничал Петя. Сегодня он был особенно недоволен игрой вратаря и не мог сдержаться, чтобы не высказать ему всю правду. – Боишься ты его, что ли?

– Ничего я не боюсь, – огрызался Паша и тут же снова пропускал в ворота мяч.

– Да падать надо, падать, а ты застыл, как Аполлон Бельведерский в мраморе! – Петя нервничал все больше и больше.

– Падать? Но я не могу! Тут же земля твердая! – Паша показывал на вытоптанную землю. – Если я хоть раз упаду, то уже и не встану.

Петя плюнул себе под ноги. Очередной мяч, пропущенный вратарем, вызвал новый поток упреков. Паша угрюмо молчал.

– Заранее надо прыгать, заранее, понял? – Петя не скрывал своего раздражения.

– Как же я могу заранее? Откуда я знаю, куда ты его залепишь? – огрызался измученный, потный, заляпанный грязью Паша. – Готовьте шланги за час до пожара, что ли?

– При чем тут шланги? Хороший вратарь всегда предугадывает, куда полетит мяч! – орал беспощадный капитан. – А тебя несет всегда почему-то в противоположную сторону! Знаешь, в чем твоя проблема? Ты просто трус!

– Ах так? Не нравится – ищи себе другого! – в сердцах бросил Паша, швыряя на землю перчатки.

– И найду! Если дело так и дальше пойдет, лучше уж я Симона в команду верну и закрою ворота его телесами! Послезавтра открывается чемпионат, а вратарь у нас – полное чмо!

– Сам дергаешься, а на мне зло срываешь! – крикнул Паша.

Ссора, начавшаяся на футбольном поле, продолжилась вечером на репетиции.

– Не так! Да не так же! – злился режиссер Паша, бегая вокруг Ромео. – Ты что, не знаешь, как смотрят влюбленные?

– Знаю, и получше тебя! – огрызался измученный, потный Ромео в прилипшей к телу футболке.

Игра на сцене давалась ему гораздо труднее, чем игра на поле.

– Знаешь? Что-то незаметно! Вот, смотри, как надо! – Паша подошел к Марине, упал перед нею на одно колено и продекламировал:

Любимая опять меня зовет!
Речь милой серебром звучит в ночи
Нежнейшею гармонией для слуха...

В голосе его звучала такая искренняя страсть, что Джульетта вдруг на миг пожалела, что роль Ромео досталась Пете, а не ему. Ее нынешний партнер действительно играл из рук

вон плохо: путал и глотал слова, читал невыразительно, тихо, невпопад и, главное, все время мучительно краснел и отводил от нее взгляд. Но то, что не нравилось Джульетте Капулетти, очень даже нравилось Марине Семечкиной: она уловила в «объяснении» Ромео-Петти искренние чувства: он был смущен потому, что влюблен, решила она, и сердце ее радостно забилося.

Но радость и волнение актрисы никак не смягчали раздражения режиссера.

– Знаешь, в чем твоя проблема? Скованный ты какой-то, заржавленный. Прямо Железный дровосек! Драйва тебе не хватает, энергии. А для этого репетировать надо больше, вот что! Через две недели премьеры, а ты элементарных вещей сделать не можешь!

Никогда еще разногласия двух друзей не были так глубоки. Недовольство Паши усугубилось еще и тем, что Тибальд, которого, как известно, Ромео должен был убить в третьем акте, никак не хотел сдаваться и во время поединка на шпагах все время одерживал над противником верх.

– Ты что, не можешь с девчонкой справиться? – разъяренно насккивал на Ромео Паша.

– Ну, не получается! Она у меня из рук все время шпагу выбивает! – уныло брюзжал Петя, с недоумением глядя на тонкое металлическое лезвие бутафорской шпаги. – Я на нее наступаю, а Ленка не поддается!

– Шувалова! Это что такое? Почему ты своевольничаешь? – накинулся на Лену-Тибальда разъяренный режиссер.

– А у Шекспира не написано, что Тибальд должен поддаваться! – гордо вскинула голову Лена. – Пусть сам меня убьет!

После очередного дубля, снова закончившегося полной победой брата Джульетты, Паша не выдержал.

– Ты... ты просто трус! – выпалил он, насккивая на Петю.

– Ах так! Можешь тогда найти себе другого Ромео! – Содрал с рук перчатки, Ромео бросил их к ногам Паши.

– И найду! – бросил в спину уходящему актеру режиссер. – Да лучше уж я сам его сыграю!

Однако до этого не дошло. Вечером, после ужина, Ромео встретился со своим злейшим врагом Тибальдом.

– Лен! – нагнав девочку, обратился к ней Петя. – Где ты научилась так здорово на шпагах драться?

– Я же фехтованием занимаюсь! – улыбнувшись во весь рот, объяснила она. – У меня уже первый разряд. Пока юношеский, правда!

– Правда? Клево! Никогда еще не встречал девчонку-фехтовальщицу!

К корпусу они пошли вместе. Петя то и дело порывался что-то сказать, но не решался. Наконец уже у самых дверей он все-таки набрался смелости и спросил:

– Лен! А ты случайно не знаешь, как смотрят влюбленные?

– Не-а! – мотнула головой Лена, глядя на него откровенным влюбленным взглядом. – Но мне кажется, это нетрудно представить.

– Правда? Покажи!

Она снова посмотрела на него.

– Да? Ну и что в том особенного? Ты же всегда на меня так смотришь! – озадаченный Ромео решил, что все эти актерские штучки – не для него. – Нет, так я не смогу. А словами ты не можешь объяснить, что я должен делать?

– Словами? – Лена немного подумала, а потом весело тряхнула головой. – Хорошо! Ты должен представить себе, что Джульетта – это кубок! И тебе нужно во что бы то ни стало выиграть его. Представил?

– Попробую... – нерешительно пробормотал Петя.

Он сосредоточился, и вскоре лицо его преобразилось. В глазах загорелась восторженная и немного хищная решимость, крылья носа затрепетали, щеки покрылись румянцем, губы начали нервно вздрагивать.

– Годится? – поинтересовался он.

– Вполне. – Девочка, смешавшись, покраснела и закусила губу. «Повезло же кубку!» – подумала она.

– Отлично! Ты просто молодец, здорово придумала! – Петя, заулыбавшись во весь рот, с силой хлопнул собеседницу по спине.

Марина от этого увесистого шлепка отлетела бы на полметра, а рослая и крепкая, как дубок, Лена даже и не покачнулась.

– А хочешь, – предложила она вдруг, – я тебя поучу фехтовать?

– Ты? Меня? Круто! – Глаза Пети радостно заблестели. – Конечно, хочу! А я смогу?

– Ну, на первый разряд, конечно, нет, а вот шпагу правильно держать и основные выпады и удары – запросто!

– А когда? И где?

– Да хоть прямо сейчас! Пойдем, я тут одно место знаю, нам там никто не помешает.

Место, куда Лена отвела Петю, было небольшим пустырем за хозяйственными постройками. На этот окруженный кустами бузины пятачок и впрямь редко кто заглядывал, можно было не бояться, что их заметят.

Паша, расстроенный неудачной репетицией и ссорой с лучшим другом, медленно брел к футбольному полю. Он подошел к воротам, оперся о штангу, тихо и печально вздохнул. Как ни неприятно ему было это сознавать, но Петя, упрекнув его утром в трусости, был прав. Вратарь он действительно был никудышный. И все потому, что вправду осторожничал, боялся бросаться за мячом и падать.

С танцплощадки доносились громкие звуки музыки и бодрый голос Быстрова – он призывал собравшихся радоваться жизни. Но у Паши не получалось – давно уже он не чувствовал себя таким несчастным.

– Эй, на воротах! Мячи принимаете? – звонкий девчоночий голос долетел до него сквозь темноту.

– Кто это? Ты, Марин?

– А давай я тебя потренирую! – предложила вдруг девочка. – Все равно на дискотеку идти не хочется, скучно, Петька исчез куда-то. Я, правда, не очень-то умею, но иногда с младшим братишкой играю!

– А что? Давай! – загорелся Паша. Он бросил на землю свою режиссерскую папку, встал в ворота. – Только ты не с одиннадцати метров бей, а ближе, с пяти, а то не попадешь.

Марина положила мяч в указанное Пашей место, разбежалась и ударила по нему ногой. Однако промахнулась, удар получился скользящим, мяч, подпрыгнув, медленно покатился к воротам.

– Зуев бы так бил, – вздохнул Паша, с легкостью отбив мяч ногой.

Может быть, эти слова подстегнули Марину – она ударила снова, на этот раз получилось точнее и сильнее. Паша бросился за мячом и не успел – тот каким-то образом проскочил мимо и оказался в сетке за его спиной.

– Блин! – выругался Паша. – Два блина! Три блина!

Несколько минут они продолжали в том же духе. Марина от души, со всей силы лупила по мячу. Пущенный с близкого расстояния, он почти всегда оказывался в воротах.

– Нет, – безнадежно покачал головой Паша. – Ничего не выйдет. У меня никогда не получится.

Он сел на землю, обхватил колени руками. Энергичная музыка и идиотски-бодрый голос Быстрова раздражали неимоверно, хотелось выключить эту программу или же заткнуть уши.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – Марина села рядом. – Ты почему-то никогда не падаешь. А в настоящем футболе вратари всегда так классно кидаются за мячом!

– Да, этого я не умею, – со вздохом признал Паша.

– Значит, надо научиться!

– А как? Как я могу этому научиться? Я ведь, когда там стою, только и думаю, как бы мне не упасть! Мне страшно падать, въезжаешь?

– А ты не должен об этом думать, – наставительно произнесла Марина. – Ты должен настроиться на что-нибудь другое, и тогда тебе удастся перебороть свой страх.

– А о чем же мне еще думать? – удивился Паша.

– Ну, например, представь себе, что мяч – это самое дорогое, что у тебя есть, а у тебя хотят его отнять. А ты должен схватить его и никому не отдавать. И больше ни о чем не думай. Выложишься хоть раз, убеди себя, сыграй на полную катушку!

– Да? Самое дорогое, значит? Давай-ка попробуем!

Паша снова встал в ворота, Марина отошла от белеющего в сумерках мяча.

– Готов? – крикнула она.

Паша сосредоточенно кивнул. Он смотрел на белый шарик перед собой и что-то тихо шептал.

Марина разбежалась и что было силы стукнула по мячу. Никогда еще у нее не выходило такого мощного удара. Мяч, поднятый носком ее кроссовки, сорвался с места и полетел в левый верхний угол. Но даже еще раньше мяча, предугадывая его направление, с места сорвался Паша. Не отрывая глаз от появившейся в небе белой кометы, он прыгнул вверх, перехватил ее у самой штанги и, прижав ее к себе, рухнул на землю. Несколько секунд он лежал неподвижно, свернувшись клубком, и Марина начала волноваться.

– Паш, ты жив? – Она испуганно дотронулась до его плеча. – Ответь, ну скажи хоть что-нибудь!

– А? Что? – Паша наконец оторвал голову от земли, огляделся вокруг – словно бы вернулся из другого мира. Потом посмотрел на мяч, который все еще страстно сжимал руками, и расплылся в улыбке. – Слушай! Неужели сработало? У меня ведь получилось, да?

За этим броском последовали другие. Один раз поборов страх, Паша теперь уже не боялся кидаться под мяч. И композиции Быстрова уже не раздражали его, наоборот, под музыку получалось веселее. И когда через полчаса безостановочной тренировки измотанная Марина взмолилась о пощаде, Паша все еще горел желанием падать снова и снова.

– Остынь, давай потренируемся завтра! – упрасивала его Марина. – Сегодня ты меня совсем загонял, да и себя тоже!

– Нет, еще давай, – несговорчиво мотал головой Паша. – Мне мало.

Наконец и он окончательно выбился из сил и в изнеможении рухнул на поле. Марина упала рядом – они лежали на спине, слушали «Сплин» и смотрели в темнеющее, едва смазанное красками заката небо.

– Петька-то как обрадуется! Теперь наши ворота – на замке, – счастливо пробормотала Марина. Она пододвинулась к Паше поближе, положила голову ему на плечо.

Парень вздрогнул и не смог сдержать стона.

– Ой, Паш, извини! Больно, да? – Она хотела было отодвинуться, но Паша протянул руку и обнял ее, прижав к себе крепче.

– Нет, ничего, – пробормотал он, осторожно касаясь щекой ее волос.

Они лежали молча до тех пор, пока краски заката не выцвели и на небе не зажглись звезды. Мерцающие светила отражались в их глазах, теплая ночь дышала покоем. Прошло

целое тысячелетие, прежде чем далекий голос Быстрова на лагерьной дискотеке объявил последний танец. Тогда они тихо поднялись и принялись отряхиваться.

– Я уже почти заснула! – потянувшись, улынулась Марина. – Здорово спать на улице?

– Здорово, – кивнул Паша, поднимая мяч.

Марина взглянула на него и ахнула – в свете фонарей отчетливо были видны синяки и ссадины на его лице.

– Боже мой, на кого ты похож! – засуетилась она. – Как будто тебя пятеро целый вечер избивали.

– Да ничего, – отмахнулся Паша. – Шрамы украшают мужчину!

– Тебе в медпункт надо, мужчина! – волновалась Марина. – Все это может плохо кончиться.

– В медпункт? Из-за пары царапин? Не смеши. Так пройдет.

– Хорошо, давай я сама все сделаю, у меня есть бактерицидные пластыри. Только сначала надо специальным мылом промыть, антибактериальным. Пойдем в корпус! Пойдем, пойдем, или я сейчас Андрею скажу!

Подчиняясь женскому напору, Паша покорно поплелся в корпус. Он жалобно шипел и пыхтел, когда его на глазах вернувшихся с дискотеки девчонок отмывали мылом, обклеивали пластырем и обмазывали йодом.

«Никогда не думала, что футбол такой жестокий вид спорта! Паша весь в царапинах и синяках, – написала Марина вечером в дневнике. – Мы тренировались почти до самого отбоя, просто как сумасшедшие.

А потом был такой прикол! Мы возвращались в корпус обходной дорогой – хотели немного погулять – и вдруг услышали звон и какие-то странные крики. Когда подошли поближе, то увидели Ленку и Петю. Оказывается, не одни мы шизанулись – эти двое дрались на бутафорских шпагах. Так смешно! Мы понаблюдали за ними немножко, а потом ушли – каждый сходит с ума по-своему. Мы долго молчали, а потом я сказала, что Петька, по-моему, все-таки влюбился в меня, и объяснила, что именно поэтому он, наверное, так плохо играл сегодня на репетиции. Но Пашка вдруг напрягся и сказал, что слышать больше не желает об этом тупоголовом осле. А потом он вдруг спросил меня, знаю ли я об их ссоре и на чьей я стороне. А я об утренней ссоре узнала от Ленки – она все видела во время тренировки. Я еще тогда для себя решила, что считаю неправыми их обоих, и так все честно и выложила. Глупо ссориться сейчас, заранее, когда они ни с кем в футбол еще и не играли и до премьеры далеко! Пашка усмехнулся и спросил, чего это я своего любимого Петечку не защищаю. А я поинтересовалась, почему он злится. Тогда он замолчал и больше до самого корпуса не сказал ни слова.

А в холле меня уже ждала Ленка. Едва я вошла, она бросилась ко мне и сказала, что ей нужно сообщить мне что-то очень важное. Договорились поболтать ночью, после отбоя – накануне она упростила Ромашку, с которой я жила раньше, поменяться с ней, и наши кровати теперь стоят рядом.

Я уже догадывалась, что она собирается мне рассказать, – так и оказалось. Ленка выложила мне все: и про то, как они с Петей отработывали «влюбленный» взгляд, и про занятия фехтованием. Ревновать я ни капельки не ревновала, все-таки жалко Ленку, не понимает она, глупая, что делает все совсем не так, чтобы по-настоящему Петьке понравиться. Это фехтование, например. Он же любит женственных девчонок, а не таких, как Ленка, – утром по полю гоняет, вечером на шпагах дерется. И вот от этой жалости я чуть было не взяла да и не выложила Ленке всю правду – про спор парней насчет идеальной девчонки, про наше с Пашкой соглашение, про «мечту» и про «кошмар». Но я все никак не могла решиться, а потом вдруг Ленка заговорила совсем о другом – она предложила парней помирить. Я уже тоже об этом думала, поэтому с радостью ее поддержала и спросила, есть ли у нее какие-нибудь идеи. Она

сказала, что есть: нам с ней надо все время держаться вместе и организовать из девчонок и парней нашего отряда группу поддержки».

Поставив точку, Марина погасила фонарик и вылезла из-под одеяла. Было темно и тихо, Лена и Надя-Липа, их третья соседка, уже спали. Марина подумала было, что надо бы написать еще и про фенечку – она как раз начала подбираться к букве «П», но не было уже ни сил, ни особого желания.

Не написала она и про начатое утром вместе с Пашей расследование – он поручил ей спросить дежурных на обоих этажах. Паша завел для «следствия», как он это называл, отдельную тетрадку, которую носил в папке вместе с материалами для спектакля. Марина выполнила поручение, но ей удалось всего-навсего выяснить, что нерадивые дежурные весь день накануне играли в карты и никого и ничего не заметили. Они сказали, что их уже расспрашивали вожакие, и они ответили то же самое. Но рассказать об этой пустячной информации Паше девочка забыла.

Глубоко зевнув, Марина положила блокнотик на тумбочку и закрыла глаза. По привычке начав про себя считать, она заснула на счет «три».

Но было и еще кое-что, чего Марина никак не могла знать и описать в своем дневнике. Для Паши случайная вечерняя тренировка оказалась невероятно важной, может быть, даже переломной в жизни. Он никогда не был хорошим спортсменом и втайне мучился от этого. Не то чтобы ему не хватало силы мышц – дома он качал гантели и подтягивался, – нет, у него, как у многих умных людей, просто не было доверия к своему телу. А без этого невозможны быстрая реакция и автоматизм. И вот сегодня случилось чудо. Он первый раз в жизни доверился своему организму, его рефлексам и координации – и тот не подвел его. Для Паши это было новое, никогда ранее не испытанное ощущение. У него получилось! Так же, как у отчаянных дворовых малолеток, чьей бесшабашности и отвязности он всегда тайно завидовал.

Глава 13

Призраки из прошлого

Держать в тайне подготовку группы поддержки оказалось совсем нетрудно. Выпросив у вожатых ватманов, красок и реек, девчонки и Боря Симон закрылись в свободной в это время комнате заседаний – так называли небольшой, редко используемый кабинет на первом этаже административного корпуса. Занятые подбором костюмов для актеров и утряской расписания соревнований, вожатые не заметили утреннего отсутствия девочек пятого отряда. Но кое-кому было в это утро не по себе – капитан футбольной команды, да и все остальные спортсмены недовольно хмурились, оглядывая пустые трибуны и дорожки стадиона. Игрокам явно чего-то не хватало – может быть, восторженных девчачьих глаз? Или же сказывались последствия вчерашней ссоры? Во всяком случае, игра, как и накануне, не ладилась – Петя мазал, Паша, еле поднявшийся утром после вечерней тренировки, берег себя, да и остальные играли кое-как, вполсилы. Футболисты злились и от этого играли еще хуже.

А у болельщиков в комнате заседаний, наоборот, жизнь кипела. Дебаты по поводу кричалок и девизов довели спорщиков до хрипоты, но к соглашению они так и не пришли. В итоге решили ограничиться самым простым – плакатами с надписью типа «Пятый – значит первый!» и транспарантами «Пятак – чемпион», «Пятак – это класс!» (с легкой руки Сереги команда действительно стала называться «Пятаком»).

И лишь когда главная художница Оля-Ромашка закончила выводить гуашью огромные разноцветные буквы, до Нади-Липы вдруг дошло, что название «Пятак» отлично рифмуется с названием «Спартак».

– А это значит... – начала она.

– Значит, мы можем использовать спартаковские кричалки! – радостно перебил ее толстый Боря Симон. – А у меня их – чемодан! Я же с детства за «спартачей» болею.

Тут же все принялись вспоминать кричалки и сочинять свои: «Ваня Кил – ну ты убил!», «Акула, бей, не жалей!», «Зуй, пасуй!», и прочие строчки родились почти мгновенно. Под руководством Борьки, как самого опытного фаната, тут же состоялась репетиция скандирования кричалок.

– Отлично орете, девочки! – одобрил руководитель. – И плакатами размахиваете вполне профессионально! Уже можно запускать вас на матч «Спартак» – ЦСКА. Вот только для полноты картины нам чего-то не хватает. Чего-нибудь шумного, ядерного, чтобы дух захватывало. Есть какие-нибудь предложения?

– Можно банками из-под пепси греметь, – предложила Оксана. – Или из-под пива. Джин с тоником тоже подойдет. Главное, чтобы пустая. Набить туда камешков или монеток... Вот так, например, – она сделала последний большой глоток из своей банки, достала из кармана пару монеток и, бросив их внутрь, начала гроыхать.

– Класс! Аж уши заложило. – Боря потряс головой. – Годится. Птичка, ты назначаешься ответственной за банки. Еще?

– А можно полиэтиленовые пакеты взрывать! – придумала Надя. – Наполнить воздухом, вот так, и – бабах! – Надя сопровождала свои слова показом.

Хлопок от разорвавшейся бомбы получился таким громким, что Боря едва не упал с табуретки.

– Круто! – одобрил он. – Ты, Надька, займешься пакетами. Побольше набери, чтобы на каждый хороший удар хватило. Ромашка, а что у тебя?

– Ну, можно свистеть, например, – пожала плечами Оля.

– А ты умеешь? – с сомнением поднял брови Боря.

Оля пожала плечами и, вытянув губы трубочкой, тихонько свистнула.

– Да, не фонтан. Ну, ладно, можешь свистеть, только потренируйся как следует, чтобы погромче вышло!

Оля, заткнув уши, начала тренироваться, и тут вдруг за окном раздались громкие звуки какого-то странного музыкального инструмента.

– Кто это там? – нахмурилась Надя – не хватало еще, чтобы соперники прознали о приготовлениях пятого!

– Да это мелкие! – выглянув в окно, сообщила Оксана. – Из первого, по-моему. Две девчонки и парень. Парень на расческе играет. По-моему, его зовут Севка Мымриков, он в нашей школе учится, во втором. А девчонки достали зеркальца и красятся.

– Малолетки? Красятся? – с сомнением покачала головой Надя и тоже выглянула в окно. – Да, точно! Ну и молодежь пошла!

– На расческах, говоришь, играет? – вскинулся Боря. – Так это же и нам подойдет!

Вот так с легкой руки малышни в импровизированный ансамбль были включены и все имеющиеся в наличии расчески.

Но самый большой вклад в дело организации звуковой поддержки внесла Марина. Пока Борька с девчонками репетировали различные способы «шума», она ходила по комнате, внимательно разглядывая на стене выпцветшие фотографии и пыльные грамоты, а потом остановилась перед стоящим в углу старым шкафом. Когда она попыталась открыть его, покосившаяся дверца громко и натужно скрипнула.

– Марин, отлично! – похвалил новый звук Борька. – Но не возмешь же ты с собой на поле этот шкаф?

– Шкаф не возьму, а вот кое-что изнутри – да! – ответила Маринка, извлекая из пыльных недр старый мятый горн, красный барабан с пробитым боком и пару кленовых палочек. Она приложила горн к губам, послышался надтреснутый, резкий звук. А потом весело застучала по барабану. – А? То, что надо!

– Что это? Откуда? – кинулись к ней остальные. – Как ты догадалась про шкаф?

– Очень просто! Это же бывшая пионерская комната, – пояснила Марина. – Мне мама рассказывала, что они все в детстве пионерами были, ну, вроде теперешних бойскаутов. Раньше и наш лагерь назывался «пионерский». У пионеров были всякие атрибуты – феньки разные, фишки. Галстуки там, знамена, горны, барабаны... Это, наверное, от тех самых пионеров осталось.

– А! Я в кино такое видела, – кивнула Липа. – Неужели все это правда? С такими при-бамбасами им здорово было за своих болеть! Хочу в пионеры!

– Насколько я знаю, со всем этим на стадион ходить не разрешалось, – покачала головой Марина. – Горн и барабан предназначались для особо торжественных случаев.

– У нас как раз такой, – радостно кивнула Оля. – Я возьму трубу. Надо потренироваться дудеть. Буду чередовать со свистом.

– А мне, чур, барабан! – воскликнула Марина, прижимая к груди кленовые палочки.

– Ладно, кончай базар, на пляж пора! – подвел итог репетиции Боря.

Чтобы не разболтать раньше времени о своих планах, группа поддержки на пляже держалась особняком. Но меры предосторожности оказались тщетными: вид сосредоточенно свистящей Ромашки, рыскающей в поисках пустых банок Птички и выуживающей из кустов грязные пластиковые пакеты Липы не мог не привлечь к себе всеобщего внимания.

– Чего это они? – поинтересовался Акула. – В ряды зеленых, что ли, вступили? Чистят окружающую среду?

– Да, странно, – мрачно кивнул Ваня. – Я с Олькой поговорить пытался, а она свистит и свистит, ничего не отвечает. Может, у нее крыша поехала?

– А ты заметил, что у нее пальцы краской испачканы? – лениво потянулся Паша.

– Краской? Не-а, наверное, это маникюр, – покачал головой Ваня.

Футболисты так и не нашли логичного объяснения странным действиям своих подруг, а группа поддержки, не желая раскрывать секреты, продолжила необычную деятельность.

После тихого часа активность и тех, и других получила новое направление. Андрей принес ворох пахнувших нафталином нарядов – Паша настоял на том, чтобы классический спектакль игрался в классических костюмах. Эту позицию ему пришлось отстаивать, так как большинство актеров хотело осовременить Шекспира.

– Я сама видела, такой фильм есть! Они там на байках гоняют и из автоматов стреляют! – горячилась Лена. – И очень даже круто, там Ди Каприо играет. Там они все в джинсах, кроссовках и все такое. И нормально смотрится! Зачем нам это доисторическое тряпье?

– Терпеть не могу новомодные штучки! – воскликнул, негодуя, Паша. – Ты еще предложи играть Шекспира в купальниках.

– А чего? Круто! – загорелся Кил. – Так ни у кого, наверное, еще не было! У меня и плавки фирменные, клевые, «Найк».

– Ставка на дешевую популярность, – упрямо мотнул головой Паша. – Думают, чем больше с народа одежды поснимать, тем современнее и круче. А кого сейчас удивишь раздеванием? Одеванием – вот это да!

Он же настоял и на том, чтобы и костюмированные репетиции начались немедленно.

– К костюмам надо привыкнуть! Чем раньше вы их наденете, тем лучше. А то на сцене будете думать не о роли, а о том, как бы не запутаться в юбках и не споткнуться о шпагу.

Ворох одежды Анна Павловна аккуратно разделила на мужские костюмы и женские платья.

– Идите в комнаты и все примерьте! – скомандовала она. – Если кому-то надо что-нибудь ушить или расставить, я помогу.

– Мне наверняка ушить, – тяжело вздохнула Оля, крошечная синьора Капулетти, рассматривая доставшееся ей огромное бархатное платье.

– А вот мне не мешало бы расставить! – ворчала Кормилица, прикидывая на себя цветастый ситцевый сарафан.

К вечерней репетиции костюмы были подогнаны по фигурам, и актеры, облачившись в наряды давней эпохи, преобразились. Но если в нежной Джульетте еще можно было распознать Семечку, а в благородном Ромео – Петю Зуева, то увидеть в Тибальде Лену смогли не сразу. Мужской костюм как нельзя лучше подходил к ее мальчишечьей фигуре: волосы упрятаны под бархатным беретом, талию перетянул пояс со шпагой, а расшитый золотом и серебром камзол скрыл признаки пола.

А еще на репетиции случилось происшествие, изрядно развеселившее одних и огорчившее других.

Дневник Марины в этот вечер пополнился новой записью.

«Сегодня нам с Петей нужно было целоваться на сцене. Это так неловко, я даже не ожидала, что буду так себя чувствовать. Пашка разозлился, начал орать на нас, что мы не актеры и все такое. Я-то это понимаю, но поделаться ничем не в силах – ну, не могу подойти к Петьке, и все тут! Словно ноги к полу приклеились. Тогда Пашка как заорет: «Да есть ли хоть одна нормальная девчонка в этой компании бездарей, которая может показать, как Джульетта целуется с Ромео?» Только он это спросил, мы еще даже дух не успели перевести, как вдруг Ленка выскакивает вперед в костюме Тибальда и говорит: «Я!» Пашка на нее уставился изумленно и переспрашивает: «Что – ты?» «Я могу показать», – сказала Ленка, подошла к Петьке, обняла его и начала с ним целоваться. И не как-нибудь, а по-настоящему, как на свадьбе, когда «Горько» кричат. Мы все так и ахнули. Даже Пашка опешил – явно не ожидал. Когда Ленка отпустила Петьку, наш режиссер похвалил ее и сказал, чтобы я брала с нее пример. Но я-то знаю, что он

имел в виду! Достаточно было посмотреть на Петьку, чтобы это понять. Казалось, он вот-вот упадет в обморок. Вначале он был красный как рак, потом побледнел и даже слегка посинел.

После репетиции Пашка спросил меня, что удалось узнать у дежурных. Я рассказала ему про карты, и он после этого стал каким-то тихим и задумчивым. Даже на дискотеку не пошел! И меня до корпуса провожать не стал.

Но еще более странным было то, что я увидела, когда возвращалась. Я вначале даже глазам не поверила. Ленка и Петька опять фехтовали! На том же самом месте, что и накануне. Оба казались веселыми и довольными. И это после того, что случилось на репетиции?

У меня нет слов. Я просто убита! Неужели весь наш с Пашкой план рухнул?»

Вернувшись в комнату, Лена, как всегда, захотела поделиться сногшибательными новостями с Мариной. Но та, укрывшись с головой одеялом, неподвижно лежала лицом к стене.

Может, спала, а может, и нет... В любом случае в этот вечер Лене так и не удалось поболтать с подругой.

Глава 14

Цена победы

Открытие чемпионата лагеря по футболу по торжественности и пышности не уступало чемпионату мировому, а по накалу страстей наверняка даже и превосходило его. Мест на деревянных трибунах, а также растущих вокруг поля деревьев оказалось явно мало для того, чтобы вместить всех болельщиков, и они, ни капли не смущаясь, расселись и разлеглись прямо на дорожках стадиона.

После речей начальницы лагеря и главного тренера Валентина Ильича начался первый матч – пятый отряд встречался с седьмым.

Настроение «пятаков» было неважным – сказала неудачная тренировка накануне, да и соперники выглядели на редкость бодрыми и уверенными в себе.

– Сегодня встал с левой ноги, плохая примета, – вздохнул суеверный Серега Акулов. – И футболку надел наизнанку – значит, быть битым. В столовой дали тарелку с зеленой каемочкой, это не к добру. И стакан с чаем поставили справа от тарелки – к потерям. И вилка у меня два раза падала – к победе врагов. И спотыкался я на левую ногу – кто-то поминает недобрым словом. И чихнул в десять ноль пять – это к проигрышу. И...

– Хватит! Закройся, справочник! – приказал суеверному нападающему Петя.

Но Акула уже успел заразить остальных игроков мрачными предчувствиями, и упавшие духом «пятаки» готовы были заранее признать поражение.

Дебют группы поддержки состоялся в тот момент, когда судья свистком открыл игру. Наконец-то выяснилась причина странного поведения девочек из пятого отряда накануне – едва лишь началась игра, в их руках откуда ни возьмись появились плакаты, транспаранты и различные шумовые инструменты, включая «антиквариат» из пионерской комнаты – горн и барабан. Не отставали и другие ребята из пятого отряда – каждый вносил свой вклад в общее дело. Шум, грохот, радостные вопли достигли ушей приунывших футболистов «Пятака», и ситуация на поле вмиг изменилась.

Каждый, кто хоть раз в жизни выступал на сцене или принимал участие в соревнованиях – любых, даже дворовых или школьных, – знает, как важна поддержка активно болеющих за тебя фанатов. Одно дело – выступать в полной тишине, когда не знаешь, превознесут тебя сейчас или освищут, и совсем другое – чувствовать за спиной сплоченные ряды верных друзей, болельщиков, готовых радостно приветствовать твой малейший успех и разорвать в клочья ненавистных соперников. Помощь группы поддержки едва ли можно переоценить, и появление на трибунах сплоченной, тренированной группы поддержки «Пятака» сразу же изменило ситуацию на поле.

Если к началу игры перевес явно был на стороне «Акуны» и футболисты из седьмого, выбежав на поле, чувствовали себя «королями», то, едва только Симон скомандовал: «Начали!» – и девчонки хором выкрикнули первую кричалку, недавние короли заметно упали духом, а «пятаки», наоборот, почувствовали приток сил. Напутствуемые восторженными криками девчонок, они заметно взбодрились, плечи расправились, глаза заблестели, на лицах засияли улыбки.

– Хорошая кричалка в начале матча – суперская примета! – подняв руки со сжатыми кулаками в небо, возвестил Серега Акулов. – И пусть попробует сегодня кто-нибудь отобрать у меня мяч!

В эту же минуту нападающий «Пятака» завладел мячом и ринулся к воротам. Никто не успел даже толком понять, в чем дело, а мяч уже трепыхался в сетке за спиной вратаря «Акуны». Счет был открыт.

Стадион сошел с ума. Плакаты с боевыми кличами взметнулись вверх. Банки с камешками, пакеты-бомбы, расчески, горн и барабан заработали во всю мощь.

Лишь одна-единственная девочка казалась совершенно безучастной к драме, развернувшейся на футбольном поле. Сложив руки на коленях и уставившись в одну точку, она тихо сидела на скамейке посреди своих беснующихся подруг. Никто не замечал ее необычного состояния – никто, кроме одного-единственного человека. Тот, нахмурившись, то и дело бросал на нее озадаченные взгляды. Ее пасмурное настроение передалось и ему, но подойти к ней и разузнать, в чем дело, он не мог, потому что стоял на воротах «Пятака».

Воодушевленные «пятаки» почувствовали прилив свежих сил и снова рванулись к вражеским воротам. На этот раз мяч оказался у Пети – и он помчался через поле, набирая скорость. Деморализованные защитники «Акуны» были бессильны остановить его, лишь у самых ворот их капитан Витка Боровцев, тяжелый крупный парень по прозвищу Боров, все-таки исхитрился подобраться к идущему тараном нападающему и, врезавшись в него корпусом, выбить мяч прямо из-под ног.

– Чего варезки разинули! – прикрикнул он на защитников, добавив пару нецензурных выражений. – Еще раз прошляпите, урою, лохи!

Подстегнутые крепким словом, защитники «Акуны» заиграли в полную силу и больше не допускали таких ляпов, по крайней мере, в первом тайме. Но и это не спасло бы их ворота от штурма и захвата соперниками, если бы не череда досадных ЧП, нанесших резкий урон обороне «пяток».

Полоса неудач началась в тот момент, когда Миша Мысин, один из защитников, неудачно подвернул ногу. Он попробовал было встать, но тут же, скривившись, снова сел на траву. Подбежавшая к нему врач помогла незадачливому футболисту перебраться на скамейку, а вместо него на поле выставили запасного – Андрюху Кравченко. А так как этот игрок был значительно слабее ушедшего, в обороне «Пятака» образовалась существенная брешь. Нападающие «Акуны» тут же воспользовались предоставленным шансом и всей командой бросились на ворота.

Паша не был готов к атаке. Мыслями он был накрепко привязан к скучающей на трибуне Марине. Почему она сегодня так не похожа на себя? Куда девались ее невероятная живость и искристая энергия? Всякий раз, бросив взгляд на трибуны, вместо неунывающей веселой девочки он видел поникшую, как сдувшийся воздушный шарик, фигуру.

Постепенно ее настроение передалось и ему. Боевой настрой, желание победы, стремление во что бы то ни стало отстоять клочок земли за спиной постепенно ослабевали, бледнели, уходили. Ему захотелось убежать с поля, подсесть на скамейку рядом с Семечкой и немедленно выяснить, что же могло случиться.

Мысли его были далеко от игры, поэтому атака «Акуны» застала его врасплох. Травма Мысина, его замена, наступление противника – все это произошло очень быстро, и Паша просто не успел собраться, сконцентрироваться. Он не вовремя выскочил из ворот, и Боров с легкостью обвел его. Мяч оказался в сетке безо всяких усилий, словно на тренировочной разминке.

За пятнадцать минут до конца первого тайма счет сравнялся. А за пять минут расстроенный дурацким голом Килиянчук подрался с Тимофеевым, хавбеком «Акуны», и судья удалил нарушителя с поля.

Вот это было уже настоящей катастрофой. Оборона «пятак» практически перестала существовать. Выставить на замену Килу было некого, до конца матча предстояло играть в меньшинстве.

«Пятаки» дрогнули. Казалось, фортуна оставила их. После первого легкого гола они надеялись на быстрый успех, но нет, теперь стало ясно, что борьба будет упорной и тяжелой.

Не помогала больше поддержка болельщиков, посылавших зловредного судью и соперников во все мыслимые и немыслимые места.

– Ну вот, говорил я, нос чешется – к поражению! – снова приуныл Акула. – Они нас сейчас раздолбают в пух и прах!

На этот раз приметы не обманули. Почувствовав, что противники дали слабину, «Акуна» ринулась к их беззащитным воротам. Паша стоял насмерть, но что он мог один против такого напора! Не прошло и минуты с момента удаления Кила, как мяч снова оказался у него за спиной.

– Два-один, – объявил счет судья.

«Акуна» вырвалась вперед.

На перерыв команды уходили с теми же чувствами, с какими вышли в этот день на поле – «седьмые» снова ощущали превосходство, «пятые» были подавлены и растеряны. Даже радостные и слаженные крики группы поддержки больше не помогали.

Марина не заметила, как рядом с ней возник Паша.

– Что случилось? – требовательно обратился к ней он. – Почему ты такая сегодня? – Он пытался поймать ее взгляд, но она упорно отводила глаза.

– Ладно, Паш, иди, отдыхай. – Марине не хотелось ни о чем говорить. Ей вообще ни с кем не хотелось общаться – овладевшая ею накануне вечером апатия не исчезла, а наоборот, усилилась – весь первый тайм ей мерещилось, что Ленка и Петька обмениваются влюбленными взглядами.

– Нет, ты все-таки скажи, – настаивал Паша. Не замечая неприязненных взглядов окружающих и не слыша упреков, он присел рядом с ней.

– А чего говорить-то? Ты что, сам не видишь?

– Что я должен видеть?

– Да то, как Ленка смотрит на Петьку! И как он смотрит на нее!

Паша нахмурился.

– Она же глаз с него не сводит, а он – с нее! – начав говорить, Марина теперь не могла остановиться.

– Не похоже! – покачал головой Паша. – Ленка, может, и да, тут я ничего не могу сказать. А что касается Петьки – тут ты точно не права! Он всю игру смотрел только на мяч и на судью. Ну, и на меня пару раз!

– Да ты просто слепой, ничего не замечаешь! – взорвалась Марина. – Они же влюблены друг в друга, как... как Ромео и Джульетта!

– Да? – Паша озадаченно потер переносицу. – По-моему, ты явно преувеличиваешь.

– Паш, оставь. Не надо меня успокаивать. И вообще, мне вся эта наша затея надоела. Ничего у нас не получится, я теперь это точно знаю. Спасибо тебе, конечно, но извини – я в эти игры больше не играю.

– И мы больше не будем встречаться в Беседке Влюбленных?

– А зачем? – пожала плечами Марина.

– И не будем обсуждать, как действовать дальше?

– Мне это неинтересно.

– А наше расследование? Мы же его только начали!

– Бесполезно! Все равно мы ничего не узнаем.

– И тренировать меня ты больше не будешь?

– Бессмысленно! – махнула рукой Семечка. – Пропустить два таких детских мяча!

– И... и... – Паша мялся, не зная, как сказать о том, что вертелось у него на языке.

– Ты о десяти поцелуях? Да пожалуйста! Хоть сейчас! – Марина равнодушно посмотрела на покрасневшего парня, а потом наклонилась к нему, вытянув губы.

Он отшатнулся от нее, как от змеи, и в этот момент прозвучал свисток судьи. Начался второй тайм.

С самых первых секунд и игрокам, и болельщикам стало ясно, что недолгий отдых лишь прибавил «акунам» сил и решимости удержать преимущество и доказать всему стадиону свою силу.

Атаки на ворота Паши сделались непрерывными. Чуть ли не каждую минуту ему приходилось бросаться под мяч и вытаскивать его из-под ног дерзких нападающих. У него не было больше времени, чтобы смотреть на трибуны, – вся его жизнь сейчас сосредоточилась на маленьком пятачке вытоптанной земли у ворот. «Нет, не бесполезно! – шептал он себе под нос, как молитву, в очередной раз прижимая к себе мяч. – И не бессмысленно!»

Это было похоже на издевательство, на открытое избиение. Паша уже потерял счет ушибам и ссадинам, которые добавлялись после каждого удачного броска за мячом. Но за все время этой яростной атаки он не пропустил ни одного мяча, возвратив себе доверие болельщиков и товарищей по команде. Сила духа вратаря начала подзаряжать остальных. Махнув рукой на пытающегося удержать его врача, на площадку вырвался Мысин, и хотя он все еще прихрамывал, игра у него сразу же пошла – нападающие старались держаться подальше от большого сильного парня, который одним поворотом корпуса мог отбросить, будто боксер-профессионал. Игра переместилась вначале в центр, а потом и к воротам «акун» – теперь уже их вратарю приходилось несладко.

Паша получил передышку. Бросив взгляд на трибуны, он не увидел ничего – перед глазами все расплывалось, пот заливал лицо, на пересохших губах стоял противный соленый вкус. На противоположном конце поля маячили разноцветные фигурки футболистов – мелкие, подвижные, одинаковые, как в компьютерной игре.

– «Пятак» – «Акуна» два-два! – громом ударило ему в уши, перекрывая вопль трибун.

«Сравнили! – пронеслось в голове. – Мы сравнили!»

И тут же, почти без перерыва, голос судьи объявил следующее изменение счета:

– «Пятак» – «Акуна» три-два!

Кулак вратаря с силой ударил по штанге.

Минута за минутой проходили в страшном напряжении. Цифры на табло стадиона расплывались перед глазами – полчаса до окончания матча... двадцать минут... пятнадцать... Передышка закончилась, игра снова переместилась к воротам Паши – и опять по нему принялись молотить шипованные бутсы соперников, но он уже не чувствовал боли, ощущая себя механизмом, винтиком большой футбольной машины, замком, запирающим ворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.